

Валерий Сергеевич Горшков
Каратель
Серия «По прозвищу Ворон», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139254
По прозвищу Ворон. Каратель: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17481-8*

Аннотация

Неожиданное появление в Санкт-Петербурге мстителя-одиночки по кличке Ворон держит местное бандитское сообщество в паническом страхе. И есть от чего. Полностью уничтожена крупнейшая группировка Пегаса, ликвидирован жестокий и неуловимый киллер Механик. На очереди банда, обложившая данью воинов-афганцев. Ворон жесток, но справедлив...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валерий Горшков

Каратель

Пролог

После бездарно проведенной операции по освобождению заложников командир специального отряда быстрого реагирования майор Владимир Безукладников пребывал в состоянии депрессии. Он прослужил в МВД одиннадцать лет и последние пять лет командовал спецподразделениями. Майор пошел работать в органы правопорядка по призванию, сразу после увольнения в запас из спецотряда внутренних войск «Витязь». Ради службы Безукладников совершенно сознательно жертвовал личной жизнью, да и головой рисковал чуть ли не каждый день, и в его мозгу никак не укладывался весь тот кровавый фарс, в который на его глазах превратилась злополучная операция. Ясно, что штабная крыса полковник Кирилленко вовсе не случайно вдруг решил взять на себя в тот вечер непосредственное командование отрядом. Одного слова Кирилленко было бы достаточно, чтобы и бизнесмен Максим Денисов, и его жена, популярная ведущая телепрограмм канала «КТВ» Рената Войцеховская, остались живы. Однако нужного слова полковник не сказал. Рената погибла на месте от пули бандита Ишкевича, которого через секунду пристрелил охранник Денисова немец Генрих Гесслер; бандитского «бригадира» Бармаша прикончил сам Денисов, перебив ему ногой шейные позвонки.

Только после этого полковник Кирилленко приказал бойцам СОБРа действовать – тогда, когда и без них все уже было кончено. Денисова, жену и дочь которого похитили бандиты, скрутили по приказу полковника, похоже, весьма удовлетворенного исходом операции. Немца Гесслера, застрелившего одного из вымогателей, продержали ночь в одиночной камере Большого дома на Литейном, а затем без лишнего шума доставили под конвоем бойцов ОМОНа в аэропорт и отправили на родину. Максим Денисов через несколько часов после завершения бесславной для СОБРа операции был застрелен якобы «при попытке вооруженного сопротивления в момент задержания» на берегу лесного озера возле поселка Горелово. Похищенную «быками» девочку нашли связанной в багажном отделении бандитского джипа и передали на попечение официальному отцу, бывшему мужу Ренаты, отставному капитану Войцеховскому, горькому пьянице. О том, что фактическим отцом девочки являлся погибший Максим Денисов, мало кто знал. По требованию бандитов Денисов в качестве выкупа за жену и дочку приготовил миллион долларов, но деньги бесследно исчезли. Зато полковник Кирилленко приказал всему отряду помалкивать и считать, что не было ни захвата заложников, ни трех трупов, ни чемодана с баксами, а отряд в тот вечер не покидал базы, – последнее подтверждалось документами. Полковник объявил операцию строго секретной и запретил информировать о ней «посторонних», в том числе всех офицеров и сотрудников МВД.

А на следующий день после известия о смерти Денисова пятеро бойцов СОБРа, принимавших участие в злополучной операции, положили перед командиром рапорты с просьбой об увольнении из органов, а еще двое попросили перевести их в другие подразделения. Бойцы прекрасно понимали, что им пришлось стать невольными участниками фарса, разыгранного высоким начальством. Крепкие ребята, прошедшие Афганистан и Чечню, не хотели больше выполнять приказы всякой продажной сволочи вроде Кирилленко.

Безукладников видел в глазах бойцов немой вопрос, но только отводил взгляд. Что он мог сказать? Хотя...

Имелась во всей операции одна тонкость, о которой знали лишь сам командир отряда и ответственный за техническое оснащение старший лейтенант Круглов. Даже от непосредственных участников операции этот момент держали в секрете. Дело заключалось в том, что в тот вечер Безукладников впервые воспользовался не только рациями, полученными в дар от полиции Стокгольма, но и подаренной шведами специальной видеокамерой. Камера скрытно запечатлела на компактную видеокассету с восьмимиллиметровой пленкой весь ход переговоров между Денисовым и его охранником Гесслером, с одной стороны, и бандитами Бармашом и Ишкевичем – с другой. Драматическая развязка переговоров и «своевременное» вмешательство милиции также остались на пленке. Попади эта кассета в руки ФСБ, и полковник Кирилленко мог незамедлительно приступить к сушке сухарей. Безукладников понимал, что над Кирилленко стояли другие коррумпированные начальники (впрочем, точнее было бы называть их «хозяевами»), которые будут защищать своего поделника до последнего, не останавливаясь ни перед чем. Что для них жизнь какого-то там майора?.. Безукладников понимал, что, сделай он хоть один шаг, скажи хоть слово, отдай бойцам спецотряда хоть один приказ, и пути назад не будет – в высоких кабинетах, в шикарном офисе сунувшемуся не в свое дело бунтарю тут же вынесут смертный приговор. Но не зря боялись майора Безукладникова все питерские криминальные группировки, не зря имел он репутацию «правильного мента», который никогда и ни с кем «не договаривается» и выходит на каждую операцию как на последний и решающий бой с бандитизмом. Командир спецназа знал, что если он начнет войну, то у него будет гораздо больше шансов на бесславленную гибель, чем на победу, и все же он решил воевать.

Неприкрытая наглость, проявленная продажным начальством в лице полковника Кирилленко, убедила майора в том, что терпеть больше нельзя. Безукладников вспомнил своих товарищей, погибших в Питере, Твери, Мурманске, Дагестане – во всех тех местах, где его «спецы» выжигали каленым железом бандитскую «масть», и понял: если он хочет сохранить уважение к самому себе, он должен решиться на войну.

Майору добавляло уверенности то обстоятельство, что, в случае чего, горевать о нем будет некому: его родители давно умерли, братьев и сестер у него не было, а женой и детьми майор не обзавелся. Правда, однажды майора все-таки угораздило жениться. В одном кабаке соборцам пришлось укрощать устроивших разборку бандитов, и, когда майор уже собирался выйти следом за угрюмой вереницей задержанных, на нем повисла какая-то дамочка, отрекомендовалась писательницей криминального жанра и стала умолять майора об аудиенции. «Мне так не хватает вашего опыта!..» – причитала писательница. Майор внимательно оглядел дамочку, отметил нарочито незащитный взгляд, чувственные губы, ладную фигуру и удивительной красоты ноги, продуманно открытые выше колен. Навидавшись на службе самых разных человеческих типов, майор сразу понял, что это восторженное существо к бандитским «телкам», «профурам» и «марухам», конечно же, не относится и в кабаке во время разборки оказалось случайно. Между тем писательница продолжала щебетать: «Я не причиню вам ни малейших хлопот! Вы только скажите мне, когда будете дома, и я вам позвоню!» Безукладников почувствовал себя жестоким взрослым дядей, который лишает милую девочку любимой игрушки, и почти машинально продиктовал дамочке свой телефон. «А без маски вы гораздо симпатичнее, – кокетливо заметила дамочка. – В маске – просто ужас!» Майор действительно снял маску после того, как бандитов увели, и в тот момент сжимал ее в кулаке. Дамочка зацокала к выходу, Безукладников посмотрел на ее ноги, и тут его мужское естество неожиданно воспрянуло с такой силой, что едва не разорвало его камуфляжные штаны. «На хрена ты тогда маску носишь, если телефон даешь кому попало? – заговорила в майоре совесть службиста. – Как насчет правил конспирации для сотрудников спецподразделений?» – «Да не приведет она с собой никого! – оправдывался майор. – Это не тот случай, я же вижу!» – «Ну-ну, смотри», – угрожающе проворчала совесть и замолкла.

Майор повернулся к стойке, пытаясь скрыть эрекцию, и некоторое время отдавал команды, стоя спиной к залу и делая вид, будто рассматривает разбитые бандитскими пулями бутылки на полках. «Если она приведет кого-нибудь с собой, я их вычислю», – продолжал успокаивать себя майор.

В следующий выходной он опрометью кидался к телефону, едва тот издавал звонок, и с трудом удерживался от того, чтобы не послать на три буквы сослуживцев, чистосердечно предлагавших ему пойти попить пивка или выбраться за город на шашлыки. Наконец, ближе к вечеру, в трубке послышался знакомый детский голосок, и у майора словно камень с души свалился. Выйдя через некоторое время на балкон, он увидел, как во двор въезжает обычное такси, как из распахнувшейся дверцы на свет божий показываются сначала стройные ноги в изящных туфельках, а за ними и вся писательница: в небрежно распахнутом плаще, с растрепанной прической, она беспомощно озиралась и еще больше, чем в первый раз в кабаке, походила на маленькую беззащитную девочку. Майор еще раз обвел взглядом свой двор, весьма обширный по питерским меркам, не обнаружил ничего подозрительного и свистнул. Писательница подняла на него взгляд и заулыбалась.

Шампанское, загодя купленное майором, они не пили: гостя привезла с собой бутылку французского коньяка. Когда Безукладников сказал, что это дорого, писательница многозначительно ответила: «Бывают такие моменты в жизни, когда забываешь о деньгах».

Майор смутился и замолчал, но гостя вскоре его разговорила: проявляя искренний интерес к «ментовской работе», она в то же время обнаруживала такую наивность и некомпетентность, что майор не мог не пуститься в объяснения и рассказы о наиболее ярких операциях. Бутылка уже почти опустела, когда они вышли покурить на балкон – обычно некурящий майор в тот вечер курил для успокоения нервов.

На дворе уже стемнело, был ясный летний вечер, от залива пахло морем. Гостя щелчком выбросила окурок, прочертивший во мраке огненную дугу, повернулась спиной, собираясь вернуться в комнату, но неожиданно споткнулась и очутилась в объятиях молниеносно подхватившего ее майора, причем ладони майора оказались в опасной близости от ее груди, а нос уткнулся в маленькое розовое ушко. Писательница сделала движение, как бы пытаясь высвободиться, но в результате только сильнее прижалась спиной к хозяину дома, причем ее маленькие упругие груди целиком оказались в широких ладонях майора. Безукладников почувствовал, как его давно уже возбужденный член дерзко уперся в упругую выпуклость ягодицы, как по телу госты пробежала дрожь...

«Не надо», – простонала молодая женщина, не делая ни малейшей попытки вырваться, и в этом стоне майор услышал желание и призыв. Он стал целовать нежную шею под завитками волос, и через несколько секунд оба уже оказались у широкого майорского дивана. Женщина повернулась к Безукладникову, поцеловала его в губы – не крепко, но так нежно и в то же время бесстыдно-чувственно, что майор весь словно растворился в этом поцелуе. Не отрываясь от его губ, женщина стала неторопливо расстегивать рубашку майора. Безукладников понял, что торопиться не нужно, и так же медленно расстегнул «молнию» на летнем платице госты, заскользил рукой по шелковистой коже спины и на удивление легко расстегнул бюстгальтер, хотя и сам уже не помнил, когда делал это в последний раз.

Гостя усмехнулась, ее тонкие пальцы коснулись «молнии» его джинсов, готовых лопнуть от неимоверного напряжения. Затем она удивительно точными движениями расстегнула ремень, пуговицу, «молнию» брюк и опустилась перед майором на колени. Ее красиво очерченные чувственные губы нежно обхватили возбужденный член Безукладникова. Женщина принялась неторопливо и ритмично то вбирать его в рот, то выталкивать назад, касаясь языком самых чувствительных зон. Непередаваемое состояние блаженства охватило майора. Ему, не избалованному женской лаской, казалось, будто все происходит во сне. «Помоему, ты сейчас кончишь, – с лукавым блеском в глазах прошептала гостя, выпрямившись

и глядя Безукладникову в глаза. – Не спеши». Тот не нашелся, что ответить, а женщина между тем уже опускалась на диван, мягко привлекая майора к себе. «Какой ты тяжелый, – удовлетворенно вздохнула она. – Нет-нет, не бойся, лежи на мне... Это такая прекрасная тяжесть...» Тонкие пальчики обхватили член майора и направили его в горячее влажное лоно. «О, какой ты сильный!» – закричала женщина, судорожно сжимая ногами его торс, словно желая слиться с партнером воедино. Безукладников входил в нее мощными толчками, и ответные вскрики женщины распалили его страсть до безумия. Отчаянный вопль исторгся из груди женщины, и в тот же миг тело майора пронзила блаженная судорога оргазма. Он чувствовал, как горячая струя семени изливается в недра женщины, но страсть не позволила ему остановиться, и он продолжал действовать дальше, а партнерша, притихшая было на мгновение, вновь принялась подбадривать его вскриками. Прошло не меньше часа до того момента, когда майор наконец разжал объятия и откинулся на подушки.

– Ну, луноход, ты даешь, – ласково произнесла гостья, нежно поглаживая ладошками его мускулистую грудь.

– Почему луноход? – сонно поинтересовался майор.

– Это из стихов одного современного поэта, – пояснила женщина. – Ты его, конечно, не читал, громила ты мой неотесанный.

Нотка превосходства в голосе гостьи слегка покорила майора. Кроме того, ему почему-то показалось, что современный поэт знаком его подруге не только по стихам. Однако майору было так хорошо, что он постарался побыстрее выкинуть из головы неприятные мысли.

Вскоре Безукладников женился, вконец разомлев от постельных развлечений, в которых Оксана, так звали его новоиспеченную жену, была великой мастерицей. Майор старался не задаваться мыслью о том, кто и как долго ее всему этому учил. Безукладникову было ново и приятно чувствовать себя желанным мужчиной – из-за этого ощущения он прощал своей подруге и ее высокомерие, и полное нежелание заниматься домашним хозяйством, и периодические отлучки на несколько дней.

Свои исчезновения супруга объясняла с помощью такого детского вранья, лишенного даже тени правдоподобия, что майор становился в тупик, не зная, как реагировать на эти бредни. В конце концов, смертельно боясь поссориться с любимой женщиной, он решил принимать все на веру, рассудив, что о каких-то серьезных вещах жена ему непременно сообщит сама. Так, например, она призналась ему в том, что вовсе не является писательницей – она только хотела бы ею стать, но не может себе позволить заняться литературным трудом из-за недостатка времени, поскольку работает в туристическом агентстве и постоянно мотается в заграничные командировки. Из данного известия вытекало одновременно и то, что Безукладникову частенько придется мириться с отсутствием жены. Не терпевший вранья, майор простил жене эту ложь. Он не придавал значения и звонкам бывших подруг жены, которые в пьяном виде пытались поведать ему о том, какой потаскухой была и остается его супруга. Ослепленный своей чувственной любовью, Безукладников старался ничего не замечать, но как-то раз он порекомендовал агентству, в котором работала его жена, двум своим бойцам. Вернувшись из отпуска, те явились к командиру и, пряча глаза, рассказали ему о заграничных похождениях его супруги. По их словам, им самим стоило большого труда не поддаться ее домогательствам и не лечь с ней в постель. Безукладников понимал, что бойцы говорят правду, но, хотя у него было такое ощущение, будто ему в сердце всадили нож и медленно поворачивают клинок в ране, он изобразил равнодушие, пожал плечами и сказал: «Ну и зря вы с ней не переспали. Почему бабой не попользоваться, если она сама предлагает?» Бойцы недоуменно переглянулись, а Безукладников вытолкнул их из кабинета, достал из сейфа початую бутылку коньяка и выпил залпом два стакана подряд. После этого, чувствуя, что стремительно пьянеет, он написал рапорт о командировке в Дагестан. На сле-

дующий день он вызвал слесаря, чтобы сменить замки на входной двери: жена была в очередной поездке, но у нее имелись ключи от квартиры майора. После возвращения Безукладникова с чеченской границы выяснение отношений с женой ограничилось для него одним коротким телефонным разговором: работа научила майора изъясняться сжато и доходчиво.

В результате этого романа Безукладников поставил крест на личной жизни и полностью отдался службе – к неудовольствию питерских бандитов, толковавших между собой о том, что майор «и был-то бешеный, а теперь вконец охренел».

Глава 1

Безукладников смахнул в ящик стола рапорты бойцов об увольнении из рядов милиции и набрал номер телефона Игоря Родникова, журналиста еженедельника «Невские ведомости». Родников приобрел всероссийскую славу и популярность после того, как ему удалось взять интервью у человека-невидимки, палача криминальных авторитетов по кличке Ворон. Как и Безукладников, Ворон вел беспощадную войну с бандитизмом, но его, в отличие от майора, не стесняли жесткие рамки закона. Кроме того, за свою работу по зачистке города от «быков» каратель-одиночка получал огромные гонорары от нанимавших его бизнесменов – эти гонорары не шли, разумеется, ни в какое сравнение с майорской зарплатой. Ворон стал известен после того, как освободил взятую в заложницы дочку одного крупного банкира, «замочив» при этом всех похитителей. Эта история нагнала страху на питерскую «братву» и, в то же время, подбодрила уставший от разгула преступности народ, немедленно начавший слагать о Вороне легенды. Когда средства массовой информации извещали о смерти какого-нибудь очередного криминального авторитета, молва автоматически объявляла причиной смерти именно Ворона.

Интервью с Вороном заинтересовало тогда и командира СОБРа. Безукладников обсуждал интервью с сослуживцами, – некоторые из них считали, что весь свой материал Родников придумал сам.

Неожиданно из пресс-центра МВД Безукладников получил сообщение о том, что Игорь Родников просит его дать интервью для еженедельника «Невские ведомости». Майора обрадовала возможность познакомиться с самым известным питерским криминальным репортером. Командира спецотряда интересовала не только история Ворона: было бы весьма полезно через «своего» журналиста помещать в средствах массовой информации такие сообщения, которые могли бы сбить с толку преследуемых бандитов. Безукладников был уверен, что журналист не откажется, в обмен на кое-какие услуги, получать «горячие» материалы непосредственно от начальника СОБРа. Майор не ошибся, но говорить о Вороне Родников наотрез отказался, сославшись на то, что уже изложил всю имевшуюся у него информацию об этом человеке в своей нашумевшей статье.

Вскоре в «Невских ведомостях» появилась статья о питерском СОБРе с фотографией майора Безукладникова в маске. Узнать его в таком виде могли только бойцы спецотряда, научившиеся безошибочно отличать друг друга по глазам.

С этих пор началось сотрудничество спецназовца и журналиста: майор входил в контакт с Родниковым, когда возникала необходимость поместить в газете полезный для милиции материал. При этом Безукладников непременно подбрасывал журналисту какую-нибудь сенсационную информацию. А когда Игорь обратился к майору с просьбой о защите от бандитов из «тамбовской» группировки, СОБР провел эффектную операцию, в результате которой пятеро «братков» оказались в «Крестах», причем двое – в тюремной больнице. Постепенно молодой журналист и начинавший сидеть майор стали почти друзьями...

Сейчас Безукладников, как никогда прежде, нуждался в помощи журналиста. К телефону в редакции никто не подходил. Майор нервно постукивал пальцами по столу. На часах было без четверти семь – Родников вполне мог уйти домой. Пришлось искать номер его мобильного телефона в настольной записной книжке.

– Алло, Кремль на проводе! – отозвался Игорь после первого же гудка.

– Привет, дружище. Безукладников беспокоит. Надо бы встретиться, и чем скорее, тем лучше.

– Не знаю, смогу ли быть тебе полезным, Володя, – усмехнулся журналист. Судя по доносившимся до Безукладникова звукам, он сидел в своей новенькой «девятке» и в данный

момент находился в движении. – Я ведь с сегодняшнего дня вроде как уволен. Вот такие дела... Собственно говоря, устроиться в другую газету для меня не проблема, да только...

– Почему уволен? – перебил журналиста Безукладников. – Слишком яркой звездой стал для своего еженедельника?

– Что-то вроде того, – снова усмехнулся Родников, которому явно пришелся по душе комплимент. – А у вас опять «свежачок»?

– Мне нужна твоя помощь, Игорь, – хмуро произнес майор. – Грядут серьезные перемены, всякое может случиться... Впрочем, это не телефонный разговор. Ты где сейчас находишься?

– На Московском проспекте, у метро «Электросила». Попал в пробку. Авария здесь случилась.

– Слушай, давай встретимся через час возле билетных касс станции «Броневая».

– Ладно. Но, может, хоть намекнешь, в чем, собственно, дело? Ты что, тоже впал в немилость у начальства?

– Когда встретимся, все объясню. Пока!

Майор положил трубку, но тут же снова ее поднял и связался со старшим лейтенантом Кругловым. Кроме Безукладникова, Круглов был единственным человеком, знавшим о существовании видеозаписи печально завершившейся операции по освобождению заложников. Несколько часов раньше Безукладников попросил Круглова сделать копию записи в формате VHS. Записывающие устройства с восьмимиллиметровой пленкой были еще редкостью, так что камера, подаренная шведами, служила одновременно и для записи, и для просмотра.

– Алло, Круглов слушает, – послышался знакомый голос.

– Ты сделал то, о чем я тебя просил? – Безукладников не называл себя, поскольку Круглов тоже хорошо знал его голос.

– Да. Когда заберете?

– Я пока в конторе. Но уже выхожу и сразу же еду к тебе. Жди.

Безукладников быстро сменил форму на джинсы и свитер, положил в карман бумажку с нацарапанным на ней номером мобильного телефона журналиста, накинул плащ, схватил спортивную сумку и, выключив настольную лампу, вышел из кабинета. В комнате отдыха смотрели телевизор несколько бойцов дежурной группы отряда, готовые по первому сигналу выехать на место происшествия. Майор вызвал в коридор старшего группы лейтенанта Ермолаева и шепнул ему:

– Я отъеду, а ты тут пока команду. После десяти буду дома.

Миновав дежурного милиционера у входа, Безукладников вышел на Литейный. Холодный сентябрьский ветер хлестал по мокрому асфальту, по крышам пронесившихся по проспекту автомобилей и по нейлону бесчисленных зонтов, под которыми пытались укрыться от низвергающихся с неба потоков воды сновавшие по тротуару прохожие. Для семи вечера было чересчур уж сумрачно. Майор поднял воротник плаща и поспешил к трамвайной остановке, ругая себя за то, что оставил дома зонт. К счастью, трамвай подошел достаточно быстро. Майор сошел на третьей остановке и побежал к подъезду дома, стоявшего прямо напротив остановки. На площадке второго этажа Безукладников остановился перед дверью квартиры под номером пять, пригладил коротко стриженные волосы и надавил на кнопку звонка. Из-за двери послышались детский смех, приглушенные голоса, приближающееся шарканье домашних тапочек по паркету. Щелкнул замок, дверь открылась. На пороге стоял старший лейтенант Круглов в пузырившихся на коленях тренировочных штанах и белой футболке, плотно обтягивавшей мускулистый торс.

– Быстро вы! – заметил Круглов и посторонился, пропуская майора в прихожую. – Чайку выпьете? В такую погоду не помешает.

Майор посмотрел на «командирские» часы и покачал головой:

– Нет, спасибо. В другой раз как-нибудь. Сейчас не до чая.

Глава 2

В назначенный час Игорь Родников топтался у билетных касс на железнодорожной платформе «Броневая» Балтийского направления. Звонок командира СОБРа заинтриговал репортера: майор явно хотел поделиться какой-то конфиденциальной информацией и намекнул на грядущие перемены в МВД. Родников догадывался, что предстоящий разговор будет не совсем обычным: Безукладников, похоже, не мог поделиться даже с товарищами по службе теми сведениями, которыми располагал. Скорее всего, рассуждал Родников, у Безукладникова имеется убойный компромат на большую эмвэдэшную шишку и майор всерьез опасается, что о наличии у него такой «компры» могут узнать те, кому невыгодно разглашение подобной информации.

Родников курил и оглядывал пустынную платформу. Майор появился неожиданно, словно материализовавшись из сгущавшихся сумерек. Крепко пожав журналисту руку, он спросил:

– Где твоя машина?

– Здесь, рядом. – Родников кивнул на асфальтированную площадку у платформы, освещенную одним-единственным фонарем.

– Пошли, поговорим. Что за погода такая мерзкая... – Безукладников зашагал к концу платформы.

Родников щелчком отбросил окурок, сверкнувший в темноте россыпью оранжевых искр, и направился следом за майором. Достав из кармана ключи с брелоком дистанционного управления, он нажал на кнопку. «Девятка» дважды мигнула фарами. Безукладников открыл дверцу с правой стороны и опустился на сиденье. Родников сел за руль и внимательно посмотрел на майора. Он понимал, что командир СОБРа прикидывает, каким образом преподнести информацию собеседнику.

Наконец Безукладников глубоко вздохнул и вытащил из внутреннего кармана плаща видеокассету, запаянную в плотный полиэтилен.

– Сохранность этой кассеты – гарантия сохранения моей жизни, – размеренно, взвешивая каждое слово, начал Безукладников. – Здесь убойный компромат на одного высокого чиновника из РУОПа. Эта информация равносильна смертному приговору для этого человека и чревата большими неприятностями для его хозяев и подельников...

– Неужели и в РУОПе дела обстоят так же, как в обычной мусорне? – удивился Родников. – Что требуется от меня?

– Слушай и запоминай! – ледяным голосом отчеканил майор. Он посмотрел прямо в голубые глаза журналиста, горевшие азартом. – Слабым местом у вашего брата является недостаток терпения. Тебе следует слегка пригасить свой профессиональный пыл, поскольку шанс обнародовать данный материал, – Безукладников кивнул на кассету, – весьма незначителен. Хотя, чисто теоретически, он все же существует. Мне, к сожалению, не на кого положиться в моей структуре... Менты народ ненадежный, и в серьезных делах им доверять нельзя...

– Но разве ты сам не такой же мент, как и остальные? – уголки губ Родникова иронично поползли вверх.

– Я не мент! Я – командир специального отряда быстрого реагирования. Улавливаешь разницу, дружок? – Безукладникову было явно не до шуток.

Игорь слегка кивнул и вопросительно посмотрел на майора, давая понять, что готов услышать главное.

Безукладников, однако, не торопился. Он достал из спортивной сумки пачку «Ригли», извлек из нее последнюю пластинку и сунул ее в рот, а фольгу скомкал в ладони. На Родникова пахло свежим запахом мяты.

– Завтра я собираюсь прищучить его, – наконец произнес майор. Игорь заметил, как на секунду сузились глаза командира СОБРа. – Ты – мой главный козырь. А точнее, находящаяся у тебя кассета. Если все пройдет так, как я спланировал, то довольно скоро – возможно, уже послезавтра – мы встретимся и ты вернешь мне ее. Я буду звонить тебе на мобильный телефон дважды в день. Если в течение суток от меня не поступит никакого сигнала, то ты идешь, не связываясь ни с какими секретарями, ни с какими заместителями, напрямик к начальнику Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и вручаешь эту кассету лично ему, из рук в руки. Скажешь, что передаешь ее по моей просьбе. Будут спрашивать о наших встречах, включая сегодняшнюю, отвечай смело правду и ничего не бойся. Скорее всего, тебе даже скажут спасибо и, с согласия руководства, дадут эксклюзив на весь материал. Хотя вполне могут и не дать. Все зависит от обстоятельств, которые сложатся на тот момент. Это все. Вопросы есть?

– Попасть на аудиенцию к «самому» не так-то легко, – покачал головой Родников. – Надеюсь, до этого не дойдет? – Он с надеждой посмотрел на Безукладникова и сделал попытку улыбнуться.

– Надеюсь... И рассчитываю на тебя. Если получится все так, как я задумал, то совместными усилиями мы сделаем из тебя самую яркую звезду отечественной журналистики!

Майор попытался ответить на улыбку Игоря, но получилась лишь устрашающая гримаса, отдаленно напоминающая оскал умирающего. Безукладникову было явно не до шуток.

– Я все понял, Володя. Можешь на меня рассчитывать, – по лицу журналиста командир спецотряда понял: Родников не подведет.

– Тогда будь здоров.

Майор открыл дверцу автомобиля и вылез наружу. Его сразу же хлестнули по лицу подгоняемые порывистым ветром холодные капли дождя. Однако захлопывать дверцу майор не спешил. Вдохнув полной грудью насыщенный влагой вечерний воздух, Безукладников наклонился, и его глаза встретились с глазами журналиста:

– Будь предельно осторожен, Игорек. И извини, что впутываю тебя в эту дрянную историю, к которой ты не имеешь никакого отношения. Но я действительно уверен, что только ты можешь мне помочь. Мне не на кого больше рассчитывать...

– Не волнуйся, все получится в лучшем виде. Загони в ловушку своего хищника, и я верну тебе кассету! – Игорь повернул ключ в замке зажигания.

– А я и не волнуюсь, – совсем по-дружески ответил Безукладников, и на сей раз на его напряженном лице промелькнула настоящая улыбка. Он протянул журналисту руку, и Родников ответил крепким, дружеским рукопожатием.

Майор поднял воротник плаща и быстро направился через рельсы к тому перрону, от которого отправлялись поезда в сторону Балтийского вокзала. Вдали уже показались огни приближавшейся к станции «Броневая» электрички...

А Родников сидел в своей машине и не сводил глаз с едва различимой на фоне темного неба внушительной фигуры командира питерского спецназа.

Тревога, терзавшая Безукладникова, передалась и ему. И лишь после того, как пропали из виду последние огни электрички, он включил первую передачу и тронул машину с места.

Кассета с убийным материалом лежала на соседнем сиденье, тщательно запаянная в прозрачный полиэтилен.

Глава 3

Из семи бойцов, положивших на стол Безукладникову свои рапорты, в распоряжении отряда находились лишь трое. Майор немедленно связался с остальными и приказал им явиться на экстренный сбор. Когда все прибыли на место, Безукладников поставил посередине комнаты отдыха стул, сел на него верхом и принялся излагать суть предстоявшего дела. Когда на лицах бойцов удивление сменилось на удовлетворенные улыбки, майор понял, что не ошибся в своих предположениях. Ребята в глубине души ждали от своего командира подобного приказа с того самого момента, как полковник Кирилленко нагло попрали выработавшийся в спецподразделении милиции кодекс чести.

– Все вы, на чье понимание я сейчас рассчитываю, принимали участие в операции, которой руководил этот мерзавец Кирилленко, – не стараясь выбирать выражений, начал майор. – И надеюсь, всем понятно, что нас, профессионалов, наиподлейшим образом использовали в своей грязной игре полковник и те, кто стоит за ним. Конечно, мы действовали согласно приказу своего непосредственного начальника, коим является командир РУОПа полковник Кирилленко, и не имеем права разглашать обстоятельства так называемой операции по освобождению заложников. Однако результаты операции вам известны. Максима Денисова, задержанного нами в полном здравии, каким-то хитрым образом пристрелили несколько часов спустя. Немца-телохранителя, застрелившего одного из «быков», спешно посадили в самолет и спроводили назад в Германию. Ну, а официально все выглядит прозаично – бандиты захватили девочку и ее мать, а прибывшие на место омоневцы, которыми в сгоревшем Фрунзенском универмаге даже не пахло, провели якобы не совсем удачную операцию, в результате которой оба бандита были уничтожены, успев, однако, застрелить популярную дикторшу «КТВ» Ренату Войцеховскую... К тому же непонятным образом исчез кейс с миллионом баксов наличными, приготовленный Денисовым для выкупа...

Безукладников помолчал, разглядывая посуровевшие лица бойцов, и взглянул на укрепленные над входной дверью электронные часы. Мерцающие зеленые цифры свидетельствовали о том, что до полуночи осталось всего пять минут. Майор заговорил снова:

– Я не хочу убеждать вас давать показания против полковника. Это излишне. До настоящего момента, пока мною не были предприняты необходимые меры безопасности, я не сообщал вам того, о чем и не подозревает Кирилленко. До сегодняшнего дня об этом знали только я и старший лейтенант Круглов, отвечающий за техническое обеспечение. Сейчас время пришло – я довожу до вашего сведения, что нами была проведена скрытая видеосъемка всего того, что произошло на пепелище Фрунзенского универмага...

Бойцы СОБРа удивленно переглянулись, некоторые из них полезли в карманы за сигаретами, и вскоре в помещении сгустился сизый туман. Но бойцы не обращали на него ни малейшего внимания, ошарашенные словами своего командира.

– Итак, у нас есть действительно убойная информация против Кирилленко, автоматически подводящая его под «вышку». Естественно, я не имею в виду суд... Дело, как вы понимаете, совсем в другом. Стоящие за спиной полковника силы не захотят, чтобы ссучившийся и продажный мент начал говорить, а посему Кирилленко ждет незавидная участь покончившего жизнь самоубийством психопата или нечто в таком же духе. Если, даже предоставив прокурору кассету с видеозаписью, я попробую дать делу официальный ход, то прокурор все равно не даст санкцию на арест командира РУОПа без предварительного согласования в верхах. И вам, надеюсь, понятно, что, сделай прокурор пару телефонных звонков, – и не будет не то что суда, а вообще ничего! Плюс в дураках останемся мы все, в частности, я – командир спецотряда. Меня вежливо попросят в добровольно-принудительном порядке передать вещественное доказательство «компетентным следственным органам», после чего

кассета пропадет при странных обстоятельствах, а я сам, – Безукладников горько усмехнулся, – пушу себе пулю в лоб из личного табельного оружия... Известный сценарий!..

Майор достал из кармана бумажку с нацарапанным на ней номером мобильного телефона Родникова.

– Поэтому я принял иное решение. Но, прежде чем я расскажу все в деталях, мне хотелось бы предупредить каждого из вас: в случае провала операции вы незамедлительно становитесь мишенью для людей Кирилленко, и многим из вас, если не всем, придется расстаться со службой в органах внутренних дел. Хотя возможны и более трагичные варианты, вплоть... – Безукладников замолчал и посмотрел на сидевших напротив бойцов. – Хотя я думаю, до крайних мер все-таки не дойдет. Ведь не полные же они кретины!.. Так что, если кто-то не согласен с моим взглядом на ситуацию или же попросту не желает лишней раз рисковать и ставить под угрозу свою дальнейшую карьеру по службе, то я предоставляю ему возможность отказаться от участия в деле. С моей стороны никаких обид быть не может, ибо это сугубо личное дело каждого из вас, а поскольку приказа свыше у меня нет, то и приказать вам подчиниться, как сделал это Кирилленко, я не имею права. Торопить не стану, покурите, подумайте. Минут десять у нас еще есть.

Безукладников поднялся со стула и подошел к столику, стоявшему возле окна, плотно прикрытого жалюзи. На столике возвышалась початая бутылка «спрайта» в окружении пластиковых стаканчиков. Майор плеснул себе воды в стакан, не спеша выпил, включил укрепленный на потолке вентилятор и с удовольствием ощутил, как табачный туман в комнате начал стремительно редеть.

Воцарившуюся на несколько долгих секунд тишину нарушил голос невысокого крепкого парня в камуфляже, капитана Олега Ганикова, пользовавшегося среди бойцов СОБРа почти таким же авторитетом, как Безукладников. Месяц, проведенный им когда-то в плену у афганских «духов», оставил на его лице целую сеть не поддавшихся скальпелю пластического хирурга глубоких шрамов, но зато закалил характер до крепости легированной стали.

– Мы готовы, командир. Эта зажавшаяся сволочь, Кирилленко, будет плевать кровью!

Безукладников стоял спиной к бойцам и разглядывал сквозь раздвинутые жалюзи светфор, мигавший желтым светом на пустынном мокром перекрестке. Услышав слова Ганикова, майор повернулся и, как показалось на мгновение бойцам, облегченно вздохнул. Затем подошел к капитану и положил руку ему на плечо:

– Я был уверен, что вы меня поймете. Тогда – вперед! И можете не брать с собой маски. Они сегодня не понадобятся, ведь мы едем к нашему старому знакомому...

Глава 4

Дача высокого питерского чиновника Анатолия Петровича Вяземцева, всерьез метившего на следующих выборах на пост мэра, располагалась в живописном месте на окраине поселка Юнки. Несмотря на непогоду, в доме было тепло и уютно. Рядом с камином из красного кирпича, непринужденно развалившись в креслах-качалках и вытянув к огню ноги, сидели сам хозяин дома и его гость, старый приятель и партнер по «прокрутке» серьезных дел, начальник регионального Управления по борьбе с организованной преступностью полковник Виктор Викторович Кирилленко. Между креслами примостился столик-бар на колесиках, на котором стояло несколько бутылок с яркими этикетками, лежали пачка «Мальборо», золотая зажигалка «Зиппо», разломанная плитка шоколада и тарелка с тонко нарезанным лимоном. Мужчины не спеша потягивали коньяк из пузатых стеклянных бокалов с толстым дном, курили и вели, как могло показаться со стороны, непринужденный разговор двух приятелей, решивших скоротать ненастный вечер у камина за бутылочкой превосходного французского коньяка. Но так только казалось. Ни один из них никогда ничего не делал просто так.

– Значит, ты все-таки его грохнул... – задумчиво произнес Вяземцев, поднося к губам край бокала, на дне которого колыбался янтарный маслянистый напиток. – Ну, что ж, может быть, ты поступил правильно. Может быть...

– Я сделал именно так, как было лучше для нашей безопасности, – решительно заявил Кирилленко. – Правда, я не ожидал, что Бармаш и Ишак решат захватить в заложники девочку и ее мать. Но все уладилось само собой, спецам даже не пришлось расчехлять стволы. Немец застрелил Ишака, Ишак – жену Денисова, ну, а господин миллионер прикончил бригадира Бармашова. Девчонку отдали законному папочке, саму операцию приписали ОМОНу – якобы она проводилась без участия спецотряда Безукладникова...

– Как-то гладко у тебя все получается, Виктор! – перебил, повысив голос, Вяземцев. – Думаешь, парни из СОБРа до конца дней будут хранить молчание?! Ни другу за кружкой пива, ни жене в постели – никому ничего не расскажут про то, как ты заграбастал миллион долларов и приказал считать сном три трупа?!

– Не кипятись, Петрович, – сухо пресек Кирилленко словоизлияния Вяземцева. – Они – профессионалы и умеют держать язык за зубами. Даже, как ты говоришь, при женах и других ментах. Хотя правильной было бы сказать – при женах и при других ментах особенно! Они очень хорошо усвоили одну простую и важную вещь – не доверять никому, порой даже самому себе! И лишь приказы своего командира эти головорезы в масках никогда и ни при каком раскладе не обсуждают. А я, как тебе известно, командир их командира! Ну что, есть еще вопросы?! – полковник перегнулся через подлокотник, бросил на Петровича осуждающий взгляд, взял со столика сигарету и, закулив, снова откинулся на спинку кресла-качалки и перевел взгляд на полыхавшие в камине поленья. От камина тянуло теплом и ароматным древесным дымком. «Интересно, – неожиданно подумал Кирилленко, наблюдая за танцем оранжевого пламени, – почему большинству людей так нравится наблюдать за огнем? Возможно, потому, что есть в этом что-то дикое, языческое, уходящее своими корнями в глубочайшую древность, когда наши предки жарили на горячих углях освежеванную тушу забитого на охоте мамонта... Огонь означал для них жизнь!»

– Ладно, не буду с тобой спорить. – Вяземцев лениво махнул рукой, словно отгонял назойливую муху. – В конце концов, ты, а не я профессиональный мент, и тебе виднее, как проворачивать подобные дела и прятать концы в воду. – Анатолий Петрович на секунду замолчал, потом на его круглом, сытом и покрасневшем от тепла лице вновь появилось озабоченное выражение. – Меня беспокоит другое...

– Что именно? – без особого интереса спросил Кирилленко, выпустив в сторону камина струю сигаретного дыма и допив остатки коньяка.

– Сначала ты мне сказал, что этот Денисов нанял какого-то высокооплачиваемого киллера, Ворона, кажется, чтобы замочить Пегаса, якобы виновного в смерти его близких. Потом, практически одновременно с гибелью Денисова, во время празднования дня рождения Пегаса, роскошная яхта, на которой все происходило, вместе с самим хозяином и несколькими известными «быками» взлетает на воздух. И сразу же вслед за этим среди питерских бандитов начинается настоящая война за освободившийся трон! Случайность?! Ну нет... Сколько уже «бычьих» трупов за последние три дня?

– Около двадцати, – Кирилленко глубоко вздохнул, его лоб прорезали глубокие морщины. – Ты прав. Идет передел власти в городе. Но ты забыл одну прописную ментовскую истину – когда собаки дерутся между собой, к ним легче подойти незамеченным. Последние сорок восемь часов ОМОН работает не покладая рук. Я как-никак все-таки начальник управления по борьбе с оргпреступностью, и мне нужны показатели раскрываемости, нужны бандитские души! Сейчас самый благоприятный период... Хотя, когда он закончится, мне скорее всего придется все же уйти на покой... Мы с Пегасом, что ни говори, – усмехнулся Кирилленко, – были хорошими партнерами. Он время от времени скармливал мне всякую мелочь для отчетности, а я не особо вмешивался в те его дела, которые обходились без «мок-рухи». С чего и имел. Теперь все будет иначе.

– Испугался? – усмехнулся, повернувшись к полковнику, Вяземцев. – Или что?

– Или, – спокойно ответил Кирилленко. – У меня уже достаточно сбережений, чтобы спокойно встретить старость в каком-нибудь двухэтажном домике на берегу живописного водоема. Я уже присмотрел участок для строительства недалеко от Усть-Луги. Знаешь Бабинское озеро?

– Стало быть, решил выйти из игры? – нахмурился чиновник, и губы его дрогнули в усмешке. – Ну, что ж, возможно, ты и прав. Скоро очередные выборы, и мне, судя по ситуации и опросам, придется серьезно побороться с Собачниковым за пост мэра. И, хотя свободных денег у меня не столь много, я все-таки попробую рискнуть и вложить их в бизнес. Уж очень хорошие доходы приносит торговля нефтепродуктами, нельзя игнорировать такой шанс! – Анатолий Петрович затушил сигарету в хрустальной пепельнице. – Хорошо, поступай, как знаешь. Кстати, ты так и не рассказал мне, что за подарок преподнесли вам полицейские Стокгольма. Рации какие-то хитрые, что ли... Я ведь в Москве был, когда шведы в город приезжали, так что встретиться с ними не смог. – Вяземцев плеснул себе еще коньяка и с интересом посмотрел на Кирилленко. – Доволен подарком?

– На халяву и укус сладкий, – засмеялся полковник. – Да, в общем-то, не так уж много они нам подарили. Зато потом растреляют на весь мир, в какой заднице сидят органы правопорядка второй российской столицы и какой широкий жест сделала в связи с этим доблестная полиция Швеции! А там были-то всего-навсего две коробки с аппаратурой связи и один комплект для скрытого видеонаблюдения...

Кирилленко поднял почти уже опустевшую бутылку коньяка и уже наклонил ее, чтобы подлить в бокал благородного напитка, как вдруг лицо его окаменело, глаза округлились, а нижняя челюсть безвольно отвисла, обнажив стройный ряд фарфоровых зубов.

– Господи!.. – прохрипел он, ставя бутылку обратно на столик и переводя безумный взгляд на Вяземцева. – Как же я раньше-то не подумал?! Где телефон?! Быстрее!!!

– Ты что, Витя, с ума спрыгнул? – поинтересовался чиновник, доставая из кармана маленькую трубку сотового телефона. – Или забыл дома утюг выключить?

– Считаю, что два утюга, – зло бросил полковник, выхватывая из рук Анатолия Петровича телефон и быстро нажимая на кнопки. Затем повернулся вместе с креслом к двери, едва не опрокинув столик, и крикнул: – Эй, вы там!..

Из-за плотно прикрытой двери в гостиную донесся топот ног, и десять секунд спустя в комнату ввалились два коротко стриженных бугая, до этого игравших в нарды этажом ниже. Один из них был телохранителем Анатолия Петровича, второй – личным шофером Кирилленко, водителем стоявшей внизу служебной «Волги». Оба уставились на сидевших возле камина мужчин в ожидании распоряжений. Вяземцев выглядел несколько озабоченным, а лицо полковника, прижимавшего к уху трубку сотового телефона, было блее мела.

– В чем дело, шеф? – рявкнул телохранитель Петровича, переглянувшись с «коллегой». Его огромная ручища с толстыми пальцами почти машинально скользнула за борт зеленого пиджака.

– Заводи машину, уезжаем! – приказал водителю Кирилленко и, недовольно нахмурив брови, посмотрел на Вяземцева: – Я совсем забыл, что Безукладников перед началом той самой операции выдал своим бойцам эти гребаные шведские рации. Готов спорить, что и видеозапись всего того, что случилось в универмаге, он тоже не забыл сделать!.. То-то я смотрю, он почти ни о чем не спросил, когда я приказал всем забыть о той операции!..

– Если дело обстоит так, как ты говоришь, то тебе нужно торопиться, – Вяземцев отставил бокал в сторону и озадаченно покусал губы. – Хотя ты можешь и ошибаться. Приказа делать запись не поступало, ведь так?

– Так же, как и приказа выдать собровцам новые рации, – отрезал полковник. – Не хватало еще мне думать о таких вещах! Техническая сторона целиком на майоре... Алло! Дежурный? Кирилленко говорит! Безукладникова мне, срочно! Если он дома, то переадресуйте звонок! Что?! Куда выехал?! Всей группой?! Понял... Свяжитесь с ним по рации и передайте, чтобы срочно позвонил мне. Я буду в своей машине!

Полковник отключил связь и посмотрел на хозяина дачи.

– Группа выехала на какое-то срочное задержание на Каменноостровский проспект. Я сейчас поеду на Литейный и дождусь их возвращения. Потом позвоню тебе, расскажу, как дела.

– Смотри не облажайся, Витя. Дело серьезное, – Петрович кивком приказал своему охраннику, чтобы тот проводил гостя до машины. – Пока не позвонишь – спать не лягу!

Спустя полторы минуты черная «Волга» сорвалась с места и понеслась по шоссе в сторону города. Кирилленко молча курил одну сигарету за другой, провожая взглядом изредка попадавшие на пути увешанные гирляндами разноцветных лампочек тяжелые фуры. Полковник думал о том, что ему грозит, если запись «операции по освобождению заложников» попадет в руки генерала Куликова. Кирилленко ехал и не догадывался о том, что навстречу его «Волге» со скоростью девяносто километров в час несутся милицейский «уазик» и бежевый «рафик», в которых сидят восемь бойцов СОБРа во главе с майором Безукладниковым. Ровно сутки назад, когда майор впервые подумал о необходимости задержания Кирилленко, под задний бампер «Волги» была примагничена капсула, непрерывно подающая радиосигналы. Приемник же в данный момент находился в руках у командира СОБРа, который с минуты на минуту готовился к долгожданной встрече со своим начальником.

Когда «Волга» вынырнула из-за очередного поворота, впереди, разорвав мрак ночи, вспыхнула синяя милицейская «мигалка». Кирилленко все понял. Он не верил в случайности и прекрасно сознавал, насколько крупно влип. Инстинкт самосохранения подсказал ему лишь одно решение.

– Разворачивайся! – задыхаясь, прохрипел полковник, вцепившись в плечо водителя. – Быстро!!!

Однако было слишком поздно. По обе стороны от притормозившей «Волги» остановились, скрипя тормозами, микроавтобус и «воронок», и из них горохом посыпались крепкие ребята в камуфляже, с короткоствольными автоматами наперевес, моментально окружив

машину со всех сторон. Безукладников прошел вперед, распахнул дверцу «Волги» и уверенным тоном приказал:

– Выходите, полковник! Вы арестованы.

– Что ты несешь, едрена мать?! – Кирилленко выскочил из машины и набросился на Безукладникова, едва не сбив его с ног, но тут же полковнику в ребра с двух сторон с силой уперлись два автоматных ствола. Кирилленко вздрогнул от боли, но не унимался. – Отставить!!! – орал он, брызгая слюной. – Что за беспредел?! По какому такому праву...

– Слушай, ты, шкура! – Майор схватил Кирилленко за отвороты плаща и, притянув к себе почти вплотную, произнес: – Еще одно слово – и я вышибу тебе все твои замечательные фарфоровые зубки, понял, скотина?!

– Ты пожалеешь... – посиневшими губами пролепетал Кирилленко. – Ты очень пожалеешь, майор...

– Может быть, – кивнул Безукладников, чуть ослабляя хватку. – Но лишь в том случае, если тобой не займется Федеральная служба безопасности. И аргументы я им предоставлю самые серьезные, товарищ бывший полковник. В машину его!

Кирилленко впервые в жизни сам оказался в роли задержанного, и бесцеремонное отношение к его персоне заставляло его скрежетать зубами от ярости. Однако он ничего не мог поделать. Безукладников же, всего пару минут назад получивший сообщение дежурного о том, что его срочно разыскивает Кирилленко, сразу предположил, что полковнику уже стало известно про кассету. А когда, заметив милицейский проблесковый маячок, «Волга» попыталась развернуться, майор окончательно уверился в справедливости своей догадки. О существовании видеокассеты знали два человека – журналист Родников и техник, старший лейтенант Круглов, лично осуществлявший запись. Его майор отбросил сразу. Оставался журналист. Скорее всего, он рискнул просмотреть копию, узнал на ней начальника РУОПа и, желая, корысти ради, подслужиться к полковнику, передал Кирилленко о готовящейся акции. Глупец! Теперь его жизнь не стоит и рваного рубля! Сорвал всю операцию и себя погубил, гаденыш! Вот и доверяй после этого журналюгам... Ну ничего, ведь во внутреннем кармане Безукладникова все еще лежит оригинал сделанной записи, да и сам полковник уже у него в руках! Через несколько часов командир специального отряда быстрого реагирования созывает чрезвычайную пресс-конференцию, на которую будут приглашены не только чины из прокуратуры, но и представители всех основных средств массовой информации. На пресс-конференции продемонстрируют видеозапись. И тогда станут бессмысленными странное исчезновение переданной на хранение как «вещдок» кассеты и жалкие интриги журналиста, так подло подставившего майора в самый ответственный момент! А что касается факта незаконного задержания высокопоставленного офицера МВД, то... Что ж, он, Безукладников, готов за это ответить по всей, так сказать, строгости закона. Все равно дни полковника Кирилленко уже будут сочтены, и, рано или поздно, в опутанной цепями криминала России одной ядовитой гадиной станет меньше!..

Водителя «Волги» сменил за рулем один из собровцев, самого водителя затолкали в кузов «уазика» рядом с командиром, и кортеж помчался в сторону Питера. «Уазик» и «Волга» включили проблесковые маячки, так что до Большого дома на Литейном доехали без единой остановки. Пунцового от злости Кирилленко выволокли из машины, как мешок с картошкой, и под конвоем повели в здание. Водителя Безукладников приказал отвести в свой кабинет, не забыв предварительно шепнуть ему на ухо несколько слов. Тот, видимо, все понял и вел себя не нахальнее притаившейся в траве полевой мыши. К тому же рядом с ним неотлучно находился вооруженный автоматом собровец.

– Да что вы себе позволяете! – визгливо кричал, брызгая слюной, Кирилленко, когда автоматные стволы подталкивали его к дверям твердыни правопорядка. Он надеялся, что криком привлечет внимание находившихся в здании милиционеров, и ему это удалось. У

сидевших за пультом дежурного и его помощника глаза полезли из орбит, когда бойцы СОБРа во главе с самим майором Безукладниковым провели мимо них закованного в наручники начальника регионального управления по борьбе с организованной преступностью!

– Подожди, Володя! – дежурный капитан Павлюченко в два прыжка догнал Безукладникова и схватил его за плечо. – Ты что, рехнулся на почве перенапряжения?! Зачем ты задержал Кирилленко?! Я немедленно звоню в Москву, министру...

– Ребята! – Безукладников взглянул на шедших рядом бойцов, и один из них, Олег Гаников, тотчас оказался рядом с капитаном Павлюченко. Выражение лица Ганикова не оставляло никаких сомнений в том, что, если дежурному вдруг захочется поднять трубку телефона прямой связи с МВД, то эта попытка может стоить ему нескольких зубов. И, хотя Павлюченко не являлся, в отличие от полковника Кирилленко, обладателем драгоценных фарфоровых зубов, но и с обычными зубами ему тоже было жаль расставаться.

– Володя, я не понял тебя! – Дежурный растерянно взмахнул руками и плюхнулся на стул рядом с оцепеневшим помощником. – Как прикажешь все это понимать?! Мятеж?!

– Успокойся, старик, – покачал головой Безукладников. – Утром все узнаешь и сам убедишься, что я сделал все правильно и ты на моем месте поступил бы таким же образом.

– Тогда объясни прямо сейчас, черт тебя подери, зачем ты... – Ветеран МВД задохнулся от волнения и снова всплеснул руками: – Я же дежурный, мать твою!..

– Полковник Кирилленко задержан лично мною по подозрению в коррупции, мошенничестве и злоупотреблении служебным положением. Его действия стали причиной гибели нескольких человек, – произнес Безукладников. – Теперь, надеюсь, понял?

– А санкция прокурора у тебя имеется? – уже заранее зная ответ, осторожно поинтересовался Павлюченко. Он нервно закурил, косясь на майора, рядом с которым осталось только двое бойцов. Двое других уже потащили полковника на «минус первый этаж», где размещались камеры для задержанных.

– Санкции нет, – честно ответил Безукладников, и вдруг на его суровом лице появилась улыбка: – Ты же сам прекрасно понимаешь, что, если бы я захотел получить ее заранее, то первым об этом узнал бы сам полковник. Разве не так?

Дежурный достал носовой платок, снял фуражку и вытер блестящую от пота лысину.

– Надеюсь, у тебя действительно есть убойные доказательства его вины, Володя. Иначе... Ну и что ты думаешь сейчас делать?

– Все уже делается. Двое ребят сейчас начнут звонить во все питерские телеканалы и газеты и пригласят их принять участие в пресс-конференции, которая состоится... – Майор взглянул на электронные часы на стене. – Состоится через шесть часов.

– Чья пресс-конференция?!

– Моя. Самой последней о ней узнает прокуратура. – Безукладников помолчал и, как бы между прочим, добавил: – Я надеюсь, ты правильно меня поймешь: я все-таки оставлю рядом с тобой Олега. Мало ли что может случиться. Не хочется рисковать!

Переглянувшись с Ганиковым, майор повернулся и, в сопровождении второго бойца, быстрым шагом направился в сторону лестницы, которая вела к камерам для задержанных.

В это время полковник Кирилленко на весь коридор грязно бранил охранников внутренней тюрьмы. Те беспомощно расступились, увидев спускающихся в подвал бойцов в сером камуфляже, которые вели самого командира РУОПа. Такая пассивность еще больше взбесила Кирилленко, но за новую порцию бранных слов он немедленно получил зуботычину и до крови прикусил язык. Из уголка рта у него потекла кровь. Охранники попробовали возмутиться недостойными действиями парней из спецподразделения, но один из соборовцев вежливо предложил им «засунуть языки в жопу и сосредоточиться на выполнении служебных обязанностей». Полковника, учитывая его звание, затолкали в свободную «одиночку», где, к его услугам, были кран с холодной водой, висевший над рыжей от ржавчины жестя-

ной раковиной, пружинная койка с голым засаленным матрацем и параша в углу. Маленькое окошко было забрано толстой железной решеткой и затянуто паутиной. Штукатурка на закопченном потолке потрескалась, а местами и обвалилась, стены были покрыты многочисленными надписями, оставшимися от прошлых обитателей камеры, а пол, похоже, не подметался уже многие годы. Кирилленко, одетый в строгий деловой костюм с галстуком и модный плащ, растерялся, впервые в жизни оказавшись в таком месте в качестве зэка. Он огляделся по сторонам, на несколько секунд остановив взгляд на тусклой лампочке под потолком, потом подошел к раковине и обмыл водой перепачканное кровью лицо. Мысли лихорадочно метались внутри черепной коробки. Еще раз взглянув на стены, полковник вдруг отчетливо вспомнил, что именно в эту камеру поместили Максима Денисова в первый раз, когда Кирилленко решил навязать удачливому махинатору свою «крышу». Здесь же Денисов провел последнюю ночь своей жизни, после чего был вывезен в лес у поселка Горелово и там застрелен.

Полковник сразу же ощутил приступ тошноты, припал к медному крану и сделал несколько больших глотков холодной воды. Вытерев рот рукавом, он опустился на грязный матрац и обхватил голову руками...

Лязгнул замок, металлическая дверь открылась, и в камеру вошел майор Безукладников. Он внимательно посмотрел на начальника РУОПа и понимающе покачал головой:

– Как себя чувствуете, полковник? Здесь, конечно, не отель «Ритц», но, по сравнению с соседними камерами, где полно уголовников и совершенно нечем дышать, очень даже прилично.

Безукладников явно издевался. Или Кирилленко это просто показалось?

– Мудак ты, Володя, – холодно бросил полковник, не глядя на Безукладникова и не поднимая головы. – Я ведь все равно отсюда выйду, а вот ты... – арестант вздохнул. – Считай, что ты уже покойник.

– Неужели? – На губах майора заиграла улыбка.

– Смейся, смейся, – усмехнулся Кирилленко. – Хорошо смеется тот, кто стреляет первым.

– А я и так первый, Виктор Викторович! Разве нет?

– Ошибаешься. Ты пока еще не стрелял. Решил все сделать по закону, да?! Идиот... Впрочем, – командир РУОПа с прищуром посмотрел на стоявшего посреди камеры Безукладникова, – я готов оценить твою предусмотрительность. Снимай с меня наручники, завтра получишь место моего зама, и мы обговорим все финансовые вопросы. Будешь получать в месяц больше, чем сейчас за год, к тому же отпадет необходимость рисковать жизнью, задерживая ублюдков вроде Бармаша и Пегаса. Ну, как тебе, майор, мое предложение? – Виктор Викторович с надеждой покусал губы.

– Даже не знаю, что и ответить, това... гражданин полковник, – усмехнулся Безукладников. – Я бы с удовольствием, но как поступить вот с этим?... – расстегнув нагрудный карман рубашки, он извлек оттуда портативный диктофон. – Все-таки не перестаю удивляться предусмотрительности стокольмских полицейских! Иногда мне кажется, что, будь в распоряжении всех наших парней-следаков такие штучки, и с преступностью стало бы гораздо легче бороться! Вы не находите, гражданин... полковник? – Безукладников нажал на кнопку обратной перемотки, включил воспроизведение. В тишине камеры записанный на пленку голос звучал достаточно громко, чтобы у Кирилленко не было необходимости прислушиваться.

– ...Ты уже покойник... Впрочем, я готов оценить... Завтра получишь место моего зама... Отпадет необходимость рисковать жизнью...

Безукладников выключил диктофон и многозначительно посмотрел на полковника.

– Ну и мудака же ты!.. – Кирилленко покачал головой и прошипел сквозь стиснутые зубы: – Теперь ты точно покойник!

– Всего доброго, командир! – Майор улыбнулся и спрятал диктофон обратно в карман. – Надеюсь, мы еще увидимся в ближайшее время.

Безукладников вышел из камеры и захлопнул за собой дверь. Спустя секунду загрохотал, закрываясь, наружный замок, а потом по каменному полу простучали жесткие подошвы высоких спецназовских ботинок. И наступила тишина...

Глава 5

Оставшись в одиночестве, Кирилленко стал лихорадочно думать, что делать, как выпутаться, и желательно как можно скорее, из той дерьмовой ситуации, в которую он попал благодаря неумному служебному рвению командира СОБРа. Теперь у Безукладникова, помимо видеокассеты, имелась еще и диктофонная запись откровений своего шефа. Действовать следовало немедленно. Было очевидно, что сам, без посторонней помощи, Кирилленко не мог предпринять ровным счетом ничего – только ходить по камере из угла в угол и в очередной раз ругать себя за непростительное ротозейство. Да, он должен был раньше вспомнить о подарке шведов и сразу же после задержания Денисова изъять у техника Круглова видеокассету. Но, как говорит народная шутка, поздно пить боржом, когда почки отказали. Значит, нужно придумывать эффективные контрмеры. Когда охотники загоняют зверя в ловушку, то случается, что он, в страхе отступавший перед загонщиками, вдруг отчаянно бросается вперед, и ему удается уйти. И все потому, что в экстремальных условиях даже самые бестолковые мозги начинают работать с максимальной нагрузкой. Инстинкт самосохранения способен порой творить чудеса.

Полковник вдруг настолько ясно представил себе план своего освобождения, что от ощущения удачи у него даже стало подергиваться веко над левым глазом. Кирилленко вскочил с койки, подбежал к двери и стал дубасить в нее пухлыми кулаками, не обращая внимания на боль. Затем он повернулся к двери спиной и принялся лягать ее каблуками. Наконец по коридору протопали чьи-то тяжелые шаги, «кормушка» в двери открылась, и полковник узнал усы одного из сержантов-охранников. Теперь главное – правильно выбрать тактику убеждения.

– Ушли? – спросил Кирилленко.

– Ушли, – машинально ответил охранник.

– Твоя фамилия, по-моему... – Полковник нахмурил брови, словно пытаясь вспомнить то, чего никогда в жизни не знал.

– Старший сержант Юркевич, – напомнил милиционер. – Товарищ полковник, я...

– Знаю, знаю! – кивнул Виктор Викторович. – Ты не можешь меня выпустить, потому что получил приказ Безукладникова, правильно?

– Так точно.

– Я прекрасно понимаю всю нелепость ситуации, в которой ты сейчас оказался, поэтому не прошу тебя о многом. В конце концов, уже через два-три часа я выйду отсюда, а Безукладников, наоборот, займет мое место! Но, по крайней мере, телефон-то ты мне можешь принести?! – Голос командира питерского РУОПа приобрел командную интонацию, и сержант совершенно растерялся. – Надеюсь, ты не хочешь разделить эту камеру на двоих с майором?! – продолжал «дожимать» молодого парня Кирилленко. – Ведь не хочешь, сынок?

Милиционер молча смотрел сквозь приоткрытое окошечко в двери на грозного офицера и мысленно проклинал себя за то, что накануне согласился подменить на дежурстве коллегу, у которого неожиданно заболел ребенок.

– Хорошо, я попробую, – опутив глаза, несмело проговорил охранник. – Но только с условием, что никто про это не узнает.

Зеленые глаза сержанта с надеждой посмотрели в мутно-голубые глазки полковника и обнаружили в них понимание.

– Спасибо тебе, сынок, – с чувством произнес Кирилленко, изобразив на оплывшем лице благодарность. – Загляни как-нибудь на днях ко мне в кабинет, подумаем над твоим продвижением по службе. Ко мне в управление пойдешь?

От такого напора сержант совершенно растерялся. Он пожал плечами, осторожно, чтобы не прищемить нос стоявшему по ту сторону двери полковнику, закрыл «кормушку» и пошел в помещение для охраны, где на обшарпанном столе стоял дешевый гонконговский радиотелефон. Трубка позволяла вести переговоры с любой частью арестантского блока, но на большее ее уже не хватало. Впрочем, большего от нее и не требовалось.

– Как там Кирилленко? – поинтересовался второй милиционер, раздавив в пепельнице окурок дешевой сигареты. – У меня такое чувство, что в конторе грядут серьезные перемены. Телефон кому, полковнику? Слушай, дай я отнесу, а?..

– Зачем тебе? – удивленно вскинул брови Юркевич.

– Понимаешь, – второй сержант, который был лет на десять старше напарника, хитро прищурился и, понизив голос, заговорил, как террорист-заговорщик: – Главное в нашей службе – вовремя отметить перед начальником, правильно? Так вот... От того, что мы окажем боссу управления по оргпреступности маленькую любезность, никому хуже не будет, да и Безукладников все равно об этом не узнает. Зато, повернись ситуация в пользу полковника, мы автоматически оказываемся в числе его друзей! Усекаешь, Коля?

– Ну, в общем... – Юркевич нервно подергал себя за усы и нехотя протянул трубку телефона напарнику. – Ну, тогда иди... Я уже, как ты выражаешься, отметил...

– Спасибо, братан! – второй сержант буквально выхватил трубку из руки Юркевича, потом, одернув китель, вышел в коридор и зашагал в дальний его конец, где уже чутко прислушивался к доносившимся из-за двери шагам воспрянувший духом Кирилленко. Он понял, что не все еще потеряно. У него есть, есть еще шанс! Дверь открылась, и охранник без слов протянул полковнику телефон, с подчеркнутой опаской озираясь по сторонам. Полковник сразу раскусил ловкого сержанта и, взяв трубку, сказал:

– Ребята, вы далеко пойдете, раз так хорошо усвоили, что с начальством надо дружить. А теперь сделай одолжение, свали отсюда минут на десять-пятнадцать, пока я буду разговаривать.

– Есть, – козырнул сержант и вышел, захлопнув за собой дверь.

Кирилленко подождал пару секунд, пока не стихли шаги охранника, а потом торопливо набрал номер Вяземцева. Тот уже давно ждал этого звонка, а потому поднял трубку после первого же гудка.

– Это я, – коротко представился Кирилленко. – Толя, дела хреновые. Выручай!

– Что случилось? – осторожно спросил Вяземцев. Судя по доносящимся до полковника звукам, Анатолий Петрович прикуривал сигарету.

– Ты не девочка-целочка, так что обойдемся без предисловий, – сухо произнес Кирилленко. – Только что Безукладников засадил меня в камеру. Именно из нее я тебе и звоню. Сержанты помогли, дали телефон на пару минут...

– Да ты что?! – ошарашенно выдохнул Вяземцев, прекрасно понимая, чем может грозить арест Кирилленко ему самому. – И у него есть на тебя ордер?!

– Нет ордера, нет! Но у него есть кассета с видеозаписью всего, что случилось во Фрунзенском универмаге. Плюс ко всему этот хитрый жлоб зашел ко мне с диктофоном и записал на пленку пару моих крепких выражений вместе с предложением решить проблему полюбовно. Теперь понимаешь, чем все это пахнет?

– Ты можешь предложить что-то конкретное?

– Думаю, да. Будь готов к тому, что придется основательно повертеться.

– Говори...

– У майора есть стукач по кличке Хакер, зовут его Руслан Исаев. Сестру Исаева трахает особо опасный рецидивист Гоча Махарадзе. Нужно срочно найти Хакера и заставить его вызвать майора «на стрелку». Пусть скажет, что знает, где Гоча встречается с его сестрой.

Пусть майор встретится с этим козлом, а ты уж позаботься, чтобы оба они получили по пуле. По-моему, Механик сейчас в городе... Позвони ему.

– Ты забыл про СОБР, – напомнил Вяземцев. – Безукладников, разумеется, приедет вместе с группой, чтобы сразу же взять Гочу.

– Но он не пойдет вместе со всей группой разговаривать с Исаевым! Придумай что-нибудь! И еще, кассета и диктофон, скорее всего, будут у Безукладникова с собой. В его кабинете нет сейфа, а он не рискнет оставить свой главный аргумент против меня хотя бы на минуту без присмотра...

– Хорошо, я подумаю, что можно сделать. Но ничего не обещаю.

В голове чиновника крутились совершенно другие мысли. Будь его воля, он с удовольствием отдал бы своим ребятам приказ пришить самого Кирилленко, из-за которого автоматически попадал в крутую мясорубку. Ведь сколько веревочке ни виться...

Но полковник был словно ясновидящим, потому что с нажимом произнес:

– Ты уж постарайся, Толя... Ради нас обоих!.. Ты же понимаешь...

– О чем ты? – недовольно спросил Вяземцев, чувствуя, как по спине пробежал морозец.

– Все о том же! – с наигранной лаской отозвался полковник. – У тебя нет выхода. Тебе гораздо легче в данной ситуации вогнать пулю в лоб Безукладникову, чем достать меня в арестантском блоке на Литейном. Если меня вынудят говорить, то учти – я скажу все...

Вяземцев с огромным трудом сдержался, чтобы не обложить Кирилленко трехэтажным матом. Вот тварь! Однако приходилось признать, что у него действительно есть лишь один выход – не допустить, чтобы командир СОБРа дожид до следующего утра и запустил юридическую машину, которая раздавит и Кирилленко, и его, Вяземцева.

– На твоём месте я не стал бы разговаривать со мной таким тоном, Витя, – после небольшой паузы раздраженно прошипел в телефонную трубку Вяземцев. – Твоя жизнь сейчас в моих руках.

– А твоя – в моих, – спокойно ответил командир РУОПа. – Надеюсь, Толя, мы поймем друг друга. Все, извини, не могу больше разговаривать... Ты уж поспеши... друг! Пока!

Кирилленко нажал кнопку отключения связи. Теперь от него уже ничего не зависело. Полковник устало сел на койку и принялся ждать, когда один из сержантов придет забрать телефон...

Он бросил взгляд на свои массивные наручные часы. Стрелки неумолимо свидетельствовали о том, что через минуту наступит три часа ночи...

Глава 6

Без четверти пять на пульте у дежурного по зданию зазвонил телефон. Павлюченко, не успев ничего сказать, отшатнулся от трубки – в самое ухо кто-то громко и настойчиво кричал:

– Алло! Алло! Это милиция?!

– Милиция... Да не орите так, черт вас возьми! Говорите спокойно! Что случилось?..

– Позовите майора Безукладникова!.. Это срочно, прошу вас!

– Для начала представьтесь, кто вы, по какому вопросу и почему вы решили, что сейчас, в пять утра, Безукладников находится на службе, а не у себя дома? – дежурный красноречиво посмотрел на стоящего рядом собровца – Олега Ганикова, и тот, понимая кивнув, снял параллельную трубку.

– А что, его нет?! – казалось, что находящийся на другом конце линии человек чем-то страшно напуган. – А когда он будет? Очень срочное дело! Вы не могли бы как-нибудь связаться с ним и сообщить, чтобы он немедленно – слышите, немедленно! – позвонил по мобильному телефону Хакеру?

– Подождите минуточку... – дежурный закрыл микрофон ладонью и спросил у Ганикова: – Ты знаешь, кто такой этот Хакер?

– Скажи ему, чтобы ждал. Я сейчас предупрежу командира, а ты переадресуй звонок на его телефон, – и Гаников бегом бросился в помещение, где находился майор Безукладников.

Майор сидел за столом с включенной настольной лампой и, казалось, дремал, положив голову на руки. Но, едва приоткрылась входная дверь, как он, вздрогнув, тотчас выпрямился и красными от усталости глазами взглянул на вошедшего бойца.

– Что случилось, Олег?

– Товарищ командир, там вас спрашивает какой-то Хакер. Говорит – срочно. Я сказал дежурному, чтобы звонок переадресовали на ваш номер.

– Хакер?! – сонливость с лица Безукладникова как рукой сняло, глаза азартно заблестели. – Неужели? И что говорит?

– Ничего не говорит, вас требует. Просил, чтобы вы немедленно перезвонили ему на мобильный, если вас нет в здании.

– Похоже, лед тронулся, господа присяжные заседатели! – произнес майор, потирая руки. – Олег, скажи ребятам, чтобы грузились в автобус! Десять против одного, что сейчас мы поедем брать этого ублюдка Гочу Махарадзе.

– Есть! – Гаников пулей выскочил за дверь, а Безукладников рывком снял трубку зазвонившего телефона.

– Алло, это Исаев Руслан говорит! – услышал майор дрожащий голос молодого мужчины. – Он в городе!

– Где именно? – майор почувствовал, как у него в висках застучала кровь.

– Алло! Алло! Очень плохо слышно! Приезжайте к ночному клубу «Зевс», я буду ждать вас! С минуты на минуту он может уйти...

– Он в клубе? – спросил командир СОБРа, плотно прижав к уху телефонную трубку.

– Нет, он сейчас на квартире у своего друга, вместе с моей сестрой! Я не знаю адрес, но могу показать! Час назад я подвозил Альбину на машине после того, как Гоча ей позвонил и назначил встречу! А потом я видел ее в окне!..

– Хорошо, никуда не уходи, жди нас! Слышишь?..

– Да! Я буду ждать в сквере!

Майор уже вскочил со стула и метнулся к двери, когда телефон вдруг зазвонил снова. Чертыхнувшись, майор вернулся к столу, схватил трубку и раздраженно рявкнул:

– Алло!

– Ну, почему ты так кричишь, – с укором произнес мягкий голос Оксаны. – У тебя все в порядке?

– Если ты о работе, то тут никакого порядка и не может быть, – сухо ответил майор. – А если о личной жизни, то до определенного момента было все в порядке – ты знаешь, до какого...

Безукладников услышал в трубке всхлипывания и вдруг с удивлением обнаружил, что у него дрожат руки. Когда-то он спрашивал себя, как ему следует поступить, если ему позволит бывшая жена. «Пошлю ее куда подальше», – без колебаний отвечал он на этот вопрос. Теперь же он чувствовал, что никакая сила на свете не заставит его прервать этот разговор, хотя изо всех сил и старался казаться равнодушным.

– Злой ты все-таки, – кое-как справившись со слезами, сказала Оксана. – Ожесточился ты там со своими преступниками. Ну, поговорил бы со мной, ну, наорал бы, ну, избил бы!.. Я сволочь, да, я бы все стерпела. Мне плохо без тебя, можешь ты это понять? Я ночами спать не могу!.. Господи, какая же я была дура!

– Ты замуж-то снова не вышла? – поинтересовался Безукладников.

– С какой стати?! – фыркнула жена.

– Ну, мало ли... Ты же в вечном поиске... – съязвил майор.

Жена, однако, покорно проглотила колкость.

– Не вышла, – сказала она тихо. – И телефон остался тот же.

В трубке вновь послышались всхлипывания.

– Ладно, не плачь, – произнес майор чуть слышно, уже начиная возбуждаться. – Я... позвоню...

Во двор к машине он спускался словно на крыльях, с трудом подавляя бессмысленную улыбку. Впервые он выезжал на операцию с ощущением счастья в душе.

Исаев отключил связь, испуганно косясь на приставленный к его виску пистолет. Огромный, похожий на гориллу детина удовлетворенно кивал и скалил зубы справа от Руслана. Слева от Хакера на заднем сиденье серебристого «БМВ» сидел другой мужчина, худощавый и неприметный. Судя по его спортивному костюму, он собирался в этот пред-рассветный час совершить утреннюю пробежку. Мужчина безо всяких эмоций воспринял результаты только что закончившегося разговора, посмотрел на часы и толкнул в спину водителя, такого же огромного, как и сидевший справа от Руслана мордоворот.

– Двинули! Высадишь меня, не доезжая клуба, в соседнем дворе, – худощавый откинулся на мягкую спинку сиденья и провел рукой, словно стирая пыль, по лежавшему на его коленях коричневому кожаному чехлу, очень напоминавшему футляр от скрипки, только более плоский и длинный. Глядя на футляр, Руслан не сомневался, что внутри находится предмет, похожий на музыкальный инструмент не больше, чем пистолет Стечкина, все еще приставленный к его виску.

Когда среди ночи в квартиру Исаева ворвались двое неизвестных и, не обращая ни малейшего внимания на истерически кричавшую от страха жену, приказали одеваться и ехать с ними, Руслан понял, что настала пора платить по счету. Единственное, чего он не мог понять, – каким образом о его встречах с командиром специального отряда быстрого реагирования стало известно бандитам, на которых он сейчас работал?.. Впрочем, среди троих, так бесцеремонно с ним обошедшихся боевиков, единственным представителем группировки Бизона был сидевший за рулем Клещ. Двух других Руслан видел впервые, а, увидев,

сразу сообразил, что именно они «держат масть» в сложившейся ситуации и именно от них исходит реальная угроза его жизни.

После вынужденного звонка Безукладникову, когда Исаев повторял в трубку слова человека в спортивном костюме, сомневаться уже не приходилось – его, Исаева, используют как наживку, чтобы выманить майора «на стрелку» и прикончить на глазах у бойцов спецподразделения МВД, всадив пулю в единственное не защищенное бронежилетом место, гарантирующее стопроцентный результат, – в голову... А потом, когда с майором будет покончено, настанет и очередь Хакера предстать перед богом и ответить за все прегрешения...

Но Руслан вовсе не хотел умирать! Он молча провожал взглядом сквозь тонированные стекла «БМВ» проносящиеся вдоль пустынной дороги тусклые уличные фонари, и на ум ему вдруг пришла известная поговорка: «Выхода нет только из гроба».

Господи, какой идиот придумал такую несусветную глупость?!

Глава 7

– Это же надо, чтобы так подфартило! – Безукладников покачал головой, глядя на сидевшего рядом с ним в салоне «рафика» лейтенанта Белецкого. – Сначала Кирилленко «захлопнули», а сейчас Гоча объявился... Удачный денек.

– Сперва надо его взять, товарищ командир, – усмехнулся Белецкий, – Махарадзе – тот еще фрукт. Что, если он просек, что братишка его любовницы – милицейский агент?

– Каким образом? – пожал плечами майор. – О том, что парень постукивает нам на Гочу, знали до сегодняшнего дня только я и... – Безукладников замялся, – и Кирилленко. Да-а... А ты, оказывается, соображаешь быстрее меня. Только вряд ли все именно так. Полковнику незачем было меня подставлять. Разве что сегодня у него появилось такое желание... Впрочем, осуществить его, находясь в камере-одиночке на Литейном, не так-то просто.

– Как будем действовать? – спросил Белецкий, поправляя висевший на плече короткоствольный автомат.

– Остановимся недалеко от нужного места и попробуем взять в кольцо точку моей предполагаемой встречи с Исаевым. Я не думаю, что есть особые причины волноваться, но осторожность, конечно, не помешает. Если все нормально – я дам знак рукой. Дальше сориентируемся. А ты можешь предложить что-то другое?

– Наверное, нет, – покачал головой лейтенант и, взглянув сквозь стекло микроавтобуса, произнес: – Похоже, приехали...

– Да, почти... – Безукладников полминуты наблюдал, как сидевшие в автобусе бойцы натягивают на лица тонкие эластичные маски с прорезями для глаз и рта, а потом скомандовал водителю: – Останови здесь, Юра!

Первым рванувшись к дверце, майор на ходу бросил:

– Петр, Олег – командуйте! Я пошел, повидаю... нашего друга...

Бойцы спецотряда за считанные секунды покинули «рафик» и растворились в темноте. Вслед за ними, погасив фары, скрылись в зияющей черной арке микроавтобус и «уазик».

Безукладников снял автомат с предохранителя и бесшумно, словно кошка, стал пробираться вдоль стены массивного сталинского дома к небольшому скверу, находившемуся в дальнем углу двора. Справа от майора, заливая окружающее пространство неоновым светом, мерцала всеми цветами радуги реклама ночного клуба «Зевс». На асфальтированной площадке перед входом стояло больше десятка автомобилей – за исключением двух «Жигулей», сплошь дорогие иномарки. Возле широких стеклянных дверей курили, о чем-то тихо переговариваясь, одетые в длинные кожаные куртки крепкие ребята-охранники.

Безукладников, вжавшись в стену, под прикрытием отбрасываемой домом тени, миновал освещенный участок просторного двора и скрылся за пышными кустами сирени. Он знал, что за ним с двух сторон пристально наблюдают в приборы ночного видения Гаников и Белецкий. Не догадывался он лишь о том, что точно таким же, только гораздо более мощным и портативным прибором оснащена снайперская винтовка, ствол которой плавно перемещался, следуя за движущейся фигурой майора. В эту минуту неприметный худощавый мужчина в спортивном костюме, один из самых высокооплачиваемых наемных убийц не только Питера, но и всей России, стоял у окна на лестничной клетке расположенного прямо напротив сквера темного подъезда и, держа командира СОБРа в перекрестье электронно-лазерного прицела, терпеливо ждал, когда придет время нажать на спуск и вогнать в голову жертвы пулю со смещенным центром тяжести...

Сидевшего под детским «грибочком» рядом с песочницей Исаева Безукладников заметил не сразу. Лишь боковым зрением – в темноте, как известно, боковое зрение острее, чем прямое, – майор уловил какое-то движение и обратил внимание на тень, плотно прижавшу-

юся к столбу, на котором держалась крыша «грибка». А когда ночной мрак неожиданно разорвала вспышка зажигалки, майор, уже не таясь, быстрым шагом направился к находившемуся в десяти метрах от него человеку. Тот тоже его заметил и, поднявшись со скамейки, торопливо озираясь по сторонам, пошел навстречу.

– Это вы? – услышал Безукладников знакомый голос Руслана.

– Где он? – резко спросил майор, почти вплотную подойдя к одетому в длинный темный плащ бизнесмену.

– Здесь, рядом. – Руслан кивнул на возвышавшийся позади него четырехэтажный дом. – Он на...

Договорить Исаев не успел. Легкий треск, словно кто-то сломал ветку сирени, заставил его замолчать. В следующее мгновение ему в лицо брызнули горячие липкие капли, некоторые из них попали в рот, и Руслан ощутил их странный солоноватый вкус. Невидящими глазами он посмотрел на грузно рухнувшего лицом в песочницу Безукладникова и с ужасом отметил, что на месте затылка у майора зияет огромная, сочащаяся кровью дыра. Исаев хотел было закричать от страха, но вопль застрял в горле, сдавив дыхание. Руки и ноги сделались ватными, а сердце заколотилось так, что грудная клетка готова была разорваться. Шум в ушах казался грохотом мчащегося сквозь туннель товарного поезда...

На осознание происходящего ушло не больше полутора секунд. Ровно столько жизни было отпущено бизнесмену после молниеносной гибели командира спецотряда. Исаев почти физически ощутил неумолимое приближение вечности. Ему даже показалось, что где-то за его спиной вдруг выросла фигура костлявой старухи с зажатой в руках косой. Через секунду прошедшая навывлет пуля вырвала из его черепа всю затылочную часть, забрызгав все вокруг кровью и ошметками мозгов. Почти одновременно с этим выстрелом из ближайших кустов к двум трупам рванулась какая-то тень, наклонилась над телом майора и принялась быстро обшаривать одежду, перепачканную кровью и комками мозгового вещества. Секунд через пять-шесть, нащупав что-то во внутреннем кармане, неизвестный запустил в него руку, извлек портативный диктофон и маленькую видеокассету, сорвал с плеча Безукладникова короткоствольный автомат и бросился в дальний конец двора, где возвышался бетонный забор гаражного кооператива. Тишину двора разорвали отчаянные крики бойцов СОБРа и гулкий топот десятков ног. Люди бежали со всех сторон к месту двойного убийства.

Человек с автоматом, перемахнув через забор гаражного кооператива, уже бежал по его территории к металлическим воротам, к которым с улицы, из проходного двора, выскочил серебристый автомобиль «БМВ».

На шум из будки сторожа вышел пожилой мужчина в телогрейке и с удивлением посмотрел на стоявшую перед воротами машину. Затем сторож увидел бегом приближавшегося к нему верзилу с каким-то странным предметом в руках.

– Стой! – старичок, оказавшийся не робкого десятка, неожиданно выхватил из кобуры на поясе газовый пистолет. – Стой, стрелять буду!

Неумело держа пистолет в вытянутых руках, сторож, стоя спиной к воротам, направил ствол на бегущего человека. Тот, видимо, не ожидал такого поворота событий и заметно растерялся. Он поднял было автомат, но тут же сообразил, что не может стрелять, так как пули неизбежно поразят «БМВ», стоявший за спиной сторожа. Сторож тем временем разглядел, что в руке бегущего человека самый настоящий автомат, и с перепугу нажал на курок. Одновременно с бесполезным хлопком «газовика» прозвучал выстрел из окошка «БМВ». Пистолетная пуля попала сторожу между лопаток, в позвоночник, сначала бросив старика на колени, а потом – ничком на асфальт. Верзила перепрыгнул через распластанное тело старика, под которым уже начала растекаться кровавая лужа, проскочил через ворота и с ходу нырнул в распахнутую заднюю дверцу «БМВ». Серебристая машина мгновенно сорвалась с места...

Закончив стрельбу, худощавый мужчина в спортивном костюме встал с колена, быстро разобрал винтовку, снял прицел, уложил части оружия в кожаный футляр, затем поднялся к техническому помещению лифта, где находился подъемный механизм. Достав из бокового кармана куртки странный, отдаленно напоминавший циркуль металлический предмет, киллер легко открыл навесной замок и вошел внутрь. В углу тесного помещения возле распределительного электрического щита находился противопожарный комплект – огнетушитель и ящик с песком. Мужчина открыл крышку ящика, положил на песок футляр и отмычку и присыпал их песком сверху. Потом вышел, повесил замок обратно на петли, так что со стороны казалось, будто его не открывали, и пробрался через низкое чердачное помещение в следующий подъезд.

Спустившись по лестнице на первый этаж дома, он вышел во двор и прислушался. Шум и голоса доносились, как и следовало ожидать, со стороны укрывшегося за плотными кустами сирени сквера. Во дворе же не было ни души. Быстрым шагом киллер направился в сторону ближайшей, выходящей на дорогу проходной арки. Оказавшись на улице, он накинул на голову капюшон куртки, еще раз огляделся и рванул в сторону ближайшего перекрестка. Там он свернул за угол, зашел во двор пятиэтажного кирпичного дома и, сев в припаркованный возле гаражей-ракушек «Фиат» светло-коричневого цвета, вывел машину на пустынную улицу. Его путь лежал к Сосновой Поляне. Возле станции его уже поджидал серебристый «БМВ» с тонированными стеклами. Киллер остановил машину метрах в десяти позади «БМВ», достал из-под левой брючины приклеенный лейкопластырем к щиколотке нож, сунул его за пояс и вышел. Задняя дверца «БМВ» открылась, и мужчина опустился на широкое сиденье позади водителя, рядом с ухмыляющимся верзилкой.

– Давай, – спокойно произнес киллер. Здоровяк достал из кармана прозрачный пластиковый пакет, в котором лежали диктофон и видеокассета, и протянул его худощавому мужчине.

– Оружие?

– Избавились по дороге.

– Хорошо.

Спрятав пакет в карман спортивной куртки и застегнув «молнию», «спортсмен» достал из-за пояса отточенный как бритва нож, слегка подавшись вперед, левой рукой резко взял в захват голову водителя, а зажатый в правой ножом быстро полоснул его по горлу. Судя по тому, как легко и непринужденно «спортсмен» проделал эту операцию, было ясно, что за плечами у него богатый опыт не только по части прицельной стрельбы. Убийца успел убрать руки до того, как из глубокого разреза потоком хлынула кровь, а перерезанные голосовые связки вместо членораздельных слов и звуков смогли издать лишь свистящий хрип. Одежда водителя, как и сиденье машины, в считанные секунды стала бурой от крови.

– Уходим, – лишенным всяких эмоций голосом приказал «спортсмен». Они со здоровяком распахнули каждый свою дверцу, покинули салон «БМВ» и пересели в «Фиат». Потом киллер, севший за руль, медленно, пропуская шедшие по правой полосе машины и включив сигнал поворота, отъехал от обочины и покатил по направлению к поселку Юкки.

Фиолетово-черный мрак промозглой осенней ночи на востоке постепенно рассеивался, уступая место прорывавшимся сквозь тяжелые мрачные облака солнечным лучам. В отличие от дня предыдущего, когда дождь хлестал почти не переставая, наступавший день обещал быть ясным...

Когда до поселка Юкки оставалось всего несколько километров, мужчина в спортивном костюме неожиданно свернул на обочину шоссе и, не выключая двигателя, распахнул водительскую дверь.

– Ты куда? – удивленно спросил верзила, опустив стекло и щелчком послав в мокрую траву окурок «Лаки страйк».

– Отлить, – коротко ответил «спортсмен» и усмехнулся. – Я терплю еще с тех пор, как взяли того щенка.

Здоровяк рассмеялся.

– Да уж, действительно – даже облегчить пузырь времени не было.

– Теперь уже можно, – подмигнул ему «спортсмен». Расправляя уставшие плечи, он обошел «Фиат» и, улыбнувшись своему напарнику, спустился вниз, в придорожные кусты. Вышел назад он через каких-нибудь тридцать секунд и с довольным видом направился к машине. Деловито обойдя вокруг «Фиата», киллер постучал носком синей замшевой кроссовки до правому заднему колесу, слегка покачал головой и направился к своему водительскому месту. Чуть наклонившись, он нащупал рукоятку прикрепленного за бампером небольшого дамского пистолета «беретта». Пистолет легко переключался из правой руки «спортсмена» в левую и тут же скрылся в кармане куртки.

– Ну как? – повернувшись к киллеру, спросил верзила. На его толстых губах заиграла похабная улыбка. – Облегчился? Гы-гы-гы!

– Так точно, – бодро ответил мужчина в спортивном костюме и, выхватив из кармана пистолет, трижды нажал на спуск. Звуки выстрелов из дамского пистолета напоминали хлопki вылетающей из бутылки шампанского пробки. Верзила толком не успел ничего понять. Две пули вошли в середину лба, оставив после себя крохотные аккуратные отверстия, а третья попала в сердце, просверлив почти незаметную, на первый взгляд, дырочку в дорогой кожаной куртке. «Спортсмен» сунул пистолет обратно в карман, придал завалившемуся на бок мертвецу естественную позу на сиденье, захлопнул водительскую дверцу и, перейдя на противоположную сторону дороги, побежал вдоль шоссе в сторону поселка. Когда «Фиат» с мертвецом уже скрылся из виду за поворотом, мужчина, не останавливаясь, расстегнул «молнию» куртки, достал из нагрудного кармана компактный мобильный телефон «Моторола» весом всего девяносто граммов, пробежал пальцами по кнопкам, приложил аппарат к уху и стал ждать ответа. После пятого гудка на другом конце линии наконец сняли трубку.

– Говорите.

– Посылка на ваше имя пришла сегодня утром. Когда прикажете доставить?

Кто-то глубоко вздохнул, помолчал пару секунд, а потом с плохо скрываемым облегчением спросил:

– Надеюсь, поручение причинило вам не слишком много беспокойства?

– Нет, наше агентство работает очень быстро. Слава богу, партнеры не подводят.

– Хорошо. Тогда привезите посылку на мой юридический адрес часа через полтора. Я буду ждать...

Бегущий человек ничего не ответил, выключил телефон, спрятал его обратно в нагрудный карман, застегнул «молнию» на куртке и метров через триста остановился возле вкопанного в обочину бетонного столба с сине-белой табличкой автобусной остановки.

Терпеливо дождавшись автобуса, «спортсмен» купил у кондуктора билет, прошел в дальний конец салона, сел на заднее сиденье у окна. Вскоре он проводил безразличным взглядом стоявший на обочине «Фиат» с одиноким человеком в кабине, а минут через пятнадцать, стремительно обгоняя пригородный «Икарус», по шоссе пронесся толстопузый «Мерседес-500» с совершенно непрозрачными стеклами.

Только после этого мужчина в спортивном костюме позволил себе прислониться головой к подрагивающей стенке автобуса и прикрыть веки. Ровно за две минуты до прибытия автобуса на конечную остановку мужчина снова открыл глаза, последним покинул пассажирский салон и направился к станции метро. Там он сел в поезд и доехал до остановки

«Площадь Восстания». Выйдя из метро, мужчина слился с потоком спешивших на работу сонных и хмурых горожан и вскоре бесследно растворился в человеческой массе.

Спустя еще несколько минут на столе у Анатолия Петровича Вяземцева лежали портативный диктофон и видеокассета с записью того, что случилось совсем недавно на пепелище Фрунзенского универмага.

Глава 8

К великому разочарованию всей пишущей и снимающей братии и к радости городской прокуратуры, экстренная пресс-конференция была сорвана. Но одному из журналистов – это был Игорь Родников, узнавший об инициативе командира СОБРа от коллеги из еженедельника «Невский репортер», – все-таки удалось, прижав к стенке одного из милиционеров, узнать о причине срыва мероприятия, на которое явилось около пятидесяти представителей питерских масс-медиа. Назначенная командиром специального отряда быстрого реагирования майором Безукладниковым пресс-конференция не состоялась по весьма трагической причине – всего пару часов назад майор геройски погиб во время операции по задержанию особо опасного преступника. Имя бандита – Гоча Махарадзе. Информация, которой Безукладников хотел поделиться с журналистами, была известна только ему, так что удовлетворить любопытство собравшихся оказалось больше некому.

Едва Родников убрал свой диктофон, как неожиданно перед сворачивавшими аппаратуру телевизионщиками и разбредавшимися газетчиками вырос хмурый и помятый полковник Кирилленко и объявил о гибели майора, а также назвал имя преступника, на задержание которого выезжала оперативная группа. Затем полковник принес извинения всем собравшимся и еще раз напомнил журналистам, что органы правопорядка даже ценой жизни лучших своих работников делают все, чтобы избавить город от криминальных элементов. В заключение шеф регионального Управления по борьбе с организованной преступностью в довольно резких выражениях пообещал собравшимся, что смерть майора Безукладникова будет в самое ближайшее время отомщена, в результате чего десятки бандитов перестанут жировать на воле, а наденут зэкскую робу и отправятся на долгие годы в места не столь отдаленные. А самому убийце Безукладникова обязательно «намажут лоб зеленкой»... Словом, кое-какую информацию журналисты все же получили. И после ухода Кирилленко десятки борзописцев бросились в редакции, где стали спешно строчить «горячий» материал.

Поздним вечером того же дня погиб еще один милиционер – старший лейтенант Круглов, отвечавший за техническое обеспечение спецотряда. Его «шестерка» потеряла управление и сорвалась с набережной в Неву. В крови погибшего обнаружили изрядное содержание алкоголя, а на теле – множество повреждений, плохо вписывавшихся в общую картину трагического происшествия. Эксперты лишь пожимали плечами – походило на то, что старший лейтенант, перед тем как сесть за руль, с кем-то изрядно выпил и жестоко подрался. Эксперты, конечно, не могли знать, что лейтенанта в тот день похитили возле его собственного гаража, когда он собирался ехать на службу; что его пытали несколько часов подряд в котельной на окраине города; что водку в его разбитые губы влили уже после того, как Круглов ответил наконец на один-единственный вопрос, который упорно задавали ему истязатели. Впрочем, сломали лейтенанта не пытки, а угрозы в адрес жены и детей. «Прости, майор...» – прошептал, рыдая, Круглов и погрузился в забытие, от которого ему уже не суждено было очнуться...

В результате этого «несчастливого случая» Кирилленко узнал о существовании второй копии имевшейся у него видеокассеты – копии, сделанной покойным Кругловым по просьбе Безукладникова.

На квартире майора был незамедлительно проведен обыск, который не дал примечательных результатов – разве что в распоряжении Кирилленко оказался личный дневник командира СОБРа, в котором начальник РУОПа нашел для себя немало интересного, внимательно изучая его содержание на досуге, после посещения финской бани. Но все это было полной ерундой в сравнении с самим фактом существования копии видеозаписи, который отравлял жизнь полковника хуже мышьяка, подсыпанного в кофе. Оперативная отря-

ботка связей Безукладникова ничего не дала, кроме сухих сведений об имевшем место разводе, а также о наличии отсутствия друзей, за исключением тех, с кем майору приходилось общаться по службе. Да и с самим СОБРОм стали твориться странные вещи – две трети личного состава сразу же после смерти Безукладникова и Круглова подали рапорты об увольнении из милиции или о переводе в другие подразделения МВД. Кирилленко не стал спорить и на каждом из лежавших на его столе листов поставил свою резолюцию: «Не возражаю». Спустя двое суток на пост командира обновленного спецподразделения перевели заместителя командира питерского ОМОНа, с которым Кирилленко состоял в дружеских отношениях. Затем последовало распоряжение полковника о запрете использования специальных средств аудио– и видеозаписи без предварительного согласования с ним лично.

Постепенно ситуация входила в свое обычное русло, и полковник стал уже забывать о противном липком страхе, испытанном им после получения известия о существовании злощастной копии, и нескольких томительных часах, проведенных в одиночной камере родного здания на Литейном.

Глава 9

Широкая тахта ритмично содрогалась и скрипела. Крепкий черноволосый мужчина и пышнотелая блондинка средних лет резвились на ней. Блондинка сжимала ногами волосатый торс мужчины, колотила партнера пятками по ягодицам, царапала его спину и кусала плечо. Мужчине все это безумно нравилось – он глухо рычал, хрипло похохатывал и так яростно двигал тазом, словно хотел пронзить насквозь пухлое тело блондинки. Партнерша, впрочем, не оставалась в долгу, подмахивая бедрами в такт движениям мужчины. Распалаясь все сильнее, она приподнялась на локтях, вся выгнулась, не переставая яростно работать мышцами живота, и вдруг по ее телу побежали судороги, заставившие ее мертвой хваткой вцепиться в волосатые плечи любовника. Через некоторое время парочка разжала объятия, и мужчина откинулся на спину, тяжело дыша.

– Хочешь теперь мне в ротик кончить? – скорее утвердительным, чем вопросительным тоном произнесла блондинка минут через десять.

– Зачѐм спрашиваешь? Канѣшно, хочу! – с характерным грузинским акцентом ответил Гоча Махарадзе – а это был именно он.

Женщина, лукаво улыбаясь, скользнула по постели к напрягшемуся в предвкушении утонченных ласк члену Гочи. Полные губы ласково обхватили вздувшуюся головку, и после нескольких умелых прикосновений языка к самому чувствительному месту Гоча задержал бедрами и по его волосатому телу прокатились судороги. Он издал несколько громких стонов, выразивших крайнюю степень блаженства, и затем испустил шумный вздох. Партнерша, сделав глотательное движение, с улыбкой победительницы поправила волосы и улеглась рядом с любовником.

– Вижу, тебе понравилось, – прошептала она. – Только не надо так шуметь! Девчонка ведь дома!

– Слюшай, нѣ могу удержаться, – извиняющимся тоном сказал Гоча.

Мамаша старалась не кричать и вообще сохранять тишину во время любовных ласк, но Гоча не особенно стеснялся: он уже неоднократно ловил на себе оценивающие взгляды дочурки и ждал только удобного момента, чтобы преподать созревающей девице все необходимые уроки. «Вдую по самые помидоры!» – весело бормотал Гоча, бреясь по утрам в ванной.

Квартиру с любвеобильной, на все готовой хозяйкой ему устроили питерские «братки», они же ее и оплачивали, включая постельные услуги. Гоча для «братков» был ценным человеком, поскольку обладал обширными связями едва ли не на всем пространстве развалившегося Союза и мог достать буквально все. Вот и сейчас он привез из города Коврова в Питер в клетчатых «челночных» сумках несколько разобранных на части ручных пулеметов. Что с ними собиралась делать «братва» – это Гочи не касалось. Изрядно наследив ранее в Питере, в том числе и «по-мокрому», Гоча избегал без крайней необходимости выходить из квартиры, тем более, что хозяйка не давала ему скучать. Расставался с такими временными подругами Гоча всегда одинаково – не прощаясь и прихватив из дома самые ценные вещи. На сей раз, однако, этого делать не стоило – могли обидеться «братки». Кавказский гость твердо решил отыгаться на дочке, однако до сих пор ему постоянно что-нибудь мешало.

За дверью комнаты скрипнула половица. Гоча давно подозревал, что дочка за ними подглядывает, и это его несказанно возбуждало. Растянувшись на постели, он нащупал на тумбочке пачку «Парламента» и пепельницу, закурил и попросил подругу:

– Слюшай, включи телевизор, пажалуйста.

Женщина поднялась – при этом Гоча не без удовольствия оглядел ее пышные бедра, – щелкнула кнопкой и вновь вернулась в постель. На экране появилось название передачи: «Криминальная хроника».

– Ну-ну, – весело хрюкнул Гоча, – давай-давай, посмотрим ментовские новости.

Однако то, что он услышал через минуту, заставило его оцепенеть и выронить изо рта сигарету прямо на одеяло. «Сегодня при попытке задержания особо опасного рецидивиста Махарадзе в ночном клубе «Зевс» погиб майор милиции, командир специального отряда быстрого реагирования Владимир Безукладников... Милиционеры клянутся в кратчайшие сроки найти и обезвредить бандита... Перекрыты все выезды из города, введен усиленный режим патрулирования...»

– Ва! Зачѐм так гаваришь, слюшай! – завопил Гоча, хлопнув себя ладонью по лбу. – Меня там даже близко нѐ было! Что они мне шьют, слюшай!

Гоча понимал, чем пахнет обвинение в убийстве командира СОБРа. Пахло оно смертью при попытке сопротивления в момент задержания – других вариантов не было. Подруга Гочи, видимо, тоже это поняла.

– Ну, ты и влип, дружок! Уматывать тебе надо! – усмехнулась она, поднимая с одеяла сигарету.

Не обратив внимания на ее слова, Гоча вскочил с кровати, бросился к телефону и стал лихорадочно набирать номер.

– Ты телевизор смотришь?! – заорал он в трубку. – Слюшай, что за беспредел? Это нѐ я его убил, меня там и близко нѐ было! Слюшай, спасай, да?

До затуманенного страхом сознания Гочи с трудом доходили слова собеседника: «Сиди и не дергайся, если выползешь на улицу, тебя с твоей кавказской рожей сразу сцапают. Хата не засвечена, так что не бзди».

– Как нѐ засвечена? Откуда знаешь, что нѐ засвечена?! – заголосил Гоча, но собеседник уже повесил трубку. Обхватив руками голову, Гоча завыл, сидя на кровати и раскачиваясь из стороны в сторону. Его переполняла горькая обида на людскую несправедливость. Его подруга тем временем лихорадочно одевалась.

– Ты куда? – простонал Гоча.

– Мы уезжаем, – резко ответила женщина, ударила кулаком в дверь комнаты дочери и раздраженно крикнула: – Собирайся, быстро!

Гоча молниеносно вскочил с тахты, метнулся к двери дочкиной комнаты, схватил высушную было девочку всей пятерней за лицо и втолкнул ее обратно в комнату. Затем вцепился в волосы хозяйке квартиры и, пригибая женщину к полу, процедил:

– Как с Гочей трахаться, как гулять на его деньги – это пажалуйста, а как паленым запахло, сразу сдернуть хочэш? Нѐт, дарагая, нѐ выйдет! Я выходить нѐ могу, мне кто-то должен продукты носить, кто-то от меня «на стрелки» должен ходить... Будешь жить здесь и делать, что скажу. И девчонка пусть дома сидит – если ты настучишь на меня или уйдешь и нѐ вернешься, я ее зарѐжу. То есть сначала трахну, а потом зарѐжу. Поняла? – рывкнул Гоча, пригнув за волосы голову хозяйки к полу с такой силой, что женщина неестественно выгнулась и, одной рукой держась за руку своего мучителя, другой стала шарить в воздухе, тщетно ища опоры. Для большей убедительности Гоча дотянулся до висевшей на стуле кожаной куртки и достал из ее внутреннего кармана нож-выкидушку. Щелкнув кнопкой, он поднес выскочивший клинок к самому глазу своей любовницы.

– Поняла, сука? – проскрежетал Гоча.

– Поняла... Поняла... Отпусти! – простонала хозяйка квартиры.

Гоча, разумеется, не мог знать о том, что час назад некий наркоман, чувствуя приближение ломки, припелся в расположенное неподалеку РУВД и потребовал встречи со знакомым опером. «Я насчет Махарадзе», – пробормотал наркоман, облизывая пересохшие губы.

«Если врешь – посажу», – деловито отозвался опер, открывая сейф. На столе перед агентом появились несколько крохотных бумажных пакетиков с разовой дозой героина. Через пару минут опер вытолкнул осведомителя в коридор и по внутренней связи вызвал начальника РУВД. Еще через пятнадцать минут на столе у исполняющего обязанности командира СОБРа капитана Ганикова зазвонил телефон...

В пристанище Махарадзе тем временем наступило наружное спокойствие. Проголодавшийся от любовных упражнений постоялец потребовал еды, и хозяйка жарила на кухне отбивные. Гоча в халате валялся на неубранной постели и вяло перелистывал какой-то старый юмористический журнал. Телевизор после всей услышанной по нему лжи Гоча возненавидел. «А может, хата и вправду не засвечена? – размышлял Гоча, понемногу успокаиваясь. – Нет, дергаться пока нельзя, пускай уляжется эта пурга». «Братки» тем временем тоже обсуждали, что им делать с кавказцем. Терять полезного человека им не хотелось, но и дружить с Гочей теперь стало опасно. Можно было через несколько дней вывезти его из города и запретить приезжать в Питер до лучших времен, а можно было просто грохнуть. Наиболее радикальным вариантом было грохнуть Гочу вместе с двумя проживавшими в квартире бабами. У каждого из трех вариантов имелись свои горячие сторонники, однако все обсуждение потеряло смысл, когда в квартире, где Гоча Махарадзе с аппетитом трескал отбивные, неожиданно раздался звонок в дверь. Гоча мгновенно вскочил, едва не подавившись непрожеванным куском, и нервно обратился к хозяйке:

– Ждешь кого-нибудь, да?

Та испуганно посмотрела на постояльца и отрицательно покачала головой. Гоча выглянул в окно. Внизу расстился просторный двор, типичный для питерских спальных районов. Асфальт подъездной дорожки, пересекавшей двор, подсох после недавнего дождя, и на этом подсохшем асфальте Гоче бросились в глаза влажные следы шин и тяжелых спецназовских ботинок – капитану Ганикову так не терпелось добраться до убийцы его начальника и друга, что он приказал водителям подъехать к самому дому, пренебрегая маскировкой. Махарадзе припал ухом к двери. Слух у него был острый, как у зверя: в коридоре он различил шарканье ног и, кажется, дыхание людей. Гоча кивком направил хозяйку к двери.

– Кто там? – испуганно спросила женщина.

– Вам ценная бандероль, – сообщил из-за двери подчеркнуто спокойный женский голос.

Гоча сложил руки в виде креста.

– Не нужна нам никакая бандероль, – дрожащим от страха голосом отозвалась хозяйка. – Уходите.

В этот момент в коридоре захрипела чья-то рация, и последние сомнения у Гочи исчезли. Он залез рукой в карман куртки, вытащил из него пистолет и завизжал:

– В жопу себе засунь свой бандэрол! Думаешь, Гоча дурак, да? Тут мусорятиной воняет! Попробуй, возьми меня!

Неожиданно его осенило, и он продолжал:

– У меня тут две заложницы, баба и девчонка! Пускай мне дают канистру с бензином, гранаты, машину – в аэропорт хочу ехать!

Капитан Гаников, стоявший у стены возле двери, услышал в квартире какой-то шум, а затем разобрал рычание Гочи: «Лежите обе здесь, на кровати, чтобы я вас видел. Дернетесь – пристрелю!»

– Махарадзе! Говорит капитан СОБРа Гаников! – закричал капитан. – Сдавайся, все равно деваться тебе некуда!

– Пошел ты на хер! – откликнулся Гоча. – Это тебе дэваться некуда – все сделаешь, как я скажу. Иначе пристрелю баб!

Из-за двери донеслось какое-то непонятное кляцанье – это Гоча лихорадочно пытался собрать пулемет, но трясущиеся руки слушались его плохо. Капитана тоже трясло, но не от страха, а от ярости, от желания как можно скорее добраться до бандита, которого он считал виновником смерти друга. Ни малейшего желания вести с ним переговоры капитан не испытывал. Если начать переливать из пустого в порожнее, то можно дожидаться приезда представителей прокуратуры, милицейского начальства, а потом и журналистов, и тогда о мести нечего будет и думать. Гаников сделал знак своим бойцам, и они подволокли специальное устройство для взлома двери – «Таран». Капитан крикнул:

– Махарадзе, две минуты тебе на размышление, а потом ломаем дверь. Если до тех пор не сдашься, ты – покойник!

– Нэ шути, капитан! – завопил Махарадзе. – Я баб пристрэлю!

– Да плевать мне на твоих баб, – равнодушно отозвался капитан. – Я их не знаю. Давай, стреляй, но учти: если ты их хоть пальцем тронешь, то я лично всажу пулю в твою башку, а если сдашься, то будешь жить.

– Я сам тебя убью, пристрэлю!.. Сука! – взвизгнул Гоча.

– Ну все, время пошло, – с холодной усмешкой ответил Гаников.

В квартире воцарилась почти полная тишина – лишь изредка до Ганикова доносились сдавленные рыдания матери и дочери и торопливые шаги – это вконец ошалевший Махарадзе бегал из комнаты в комнату, как загнанный в угол зверь. Через несколько минут из-за двери раздался его истерический вопль:

– Ну давай, давай! Ты смэлый, да? Давай!

Капитан, присмотревшись к двери, решил, что «Таран», скорее всего, не понадобится. Он отошел на пару шагов, прыгнул и в прыжке нанес сокрушительный удар по хлипкому замку. Дверь в клубах пыли повалилась в прихожую, едва не придавив Махарадзе, который с трудом успел отскочить. Бандит вскинул пистолет и открыл беспорядочную стрельбу по образовавшемуся проему. В коридоре защелкали рикошетом отлетающие от стен пули, но ни одна из них не попала в капитана, хотя тот не делал ни малейшей попытки уклониться от огня. Эта неуязвимость так потрясла Гочу, что он прекратил стрельбу, бросил пистолет на пол и завопил:

– Я баб нэ трогал, нэ убивай! Я их нэ трогал! Нэ убивай, ты обещал!

– Я тебя обманул, – тихо произнес капитан, надвигаясь на Гочу.

Бандит увидел бесцветные, зловещие, прищуренные глаза мента и ощутил такой ужас, что на мгновение утратил способность издавать членораздельные звуки. Впрочем, и жить ему оставалось всего мгновение. Капитан вытолкнул его из прихожей в комнату, где на постели тихо скулили заложницы, оттуда в кухню. Из кухни неожиданно донесся звон бьющегося стекла, а затем откуда-то издалека – короткий сдавленный крик. Капитан вошел в комнату и, отряхивая форму, будничным тоном сообщил вошедшим в квартиру бойцам:

– В окно выпрыгнул, мудак! Забыл, наверно, что здесь десятый этаж...

Смерть Махарадзе была на руку полковнику Кирилленко: на ее фоне гибель майора Безукладникова при попытке задержания того же Махарадзе выглядела вполне достоверно, а сам бандит уже не мог ничего ни подтвердить, ни опровергнуть, и на него можно было валить все, что угодно.

Об одном не догадывался Виктор Викторович – о том, что его смертный приговор спокойно лежит и дожидается своего часа в верхнем ящике рабочего стола журналиста Игоря Родникова, рядом с портативным компьютером «ноутбук»...

Глава 10

В отдельном кабинете одного из самых дорогих ресторанов Питера – «Корсо» – сидели приятели: президент и владелец телекомпании «КТВ» Михаил Кац и генеральный директор издательского дома «АРТ-полиграф» Артем Ринге. Впервые после похорон своего друга и партнера по бизнесу Максима Денисова они смогли улучшить момент и встретиться за рюмочкой «Джим Бима». Чрезвычайно занятые на работе, но с того самого дня постоянно думающие об одном и том же, они не могли позволить себе не обсудить возникшую проблему. Оба бизнесмена знали – несмотря на существование официальной версии случившегося, Макс был убит людьми Кирилленко, под «крышей» которого находилась финансово-трастовая компания Денисова «Эверест». Существовала, правда, вероятность того, что бизнесмена убили «быки» криминального авторитета Пегаса, которого Денисов «заказал» за пятьдесят тысяч долларов известному в узких кругах киллеру по прозвищу Ворон. «Крестный отец» питерского рэкета был виновен в смерти близких Максиму людей, и Денисов приговорил его к смерти. Яхта, на которой праздновался сорок третий день рождения авторитета, взлетела на воздух недалеко от Лисьего Носа, в нескольких сотнях метров от берега.

Друзья знали обо всем и не могли смириться с мыслью, что гибель товарища останется неотомщенной.

– Ты не торопишься? – спросил Кац, устало посмотрел на сидевшего напротив Артема и, взяв со стола бутылку виски, налил в два пузатых бокала французского стекла крепкий, янтарного цвета напиток. На безымянном пальце его правой руки сверкало золотое обручальное кольцо с бриллиантом. Так уж получилось, что похороны друга и его жены Ренаты, работавшей у Каца диктором, и свадьба телемагната с его подругой Виолеттой состоялись практически одновременно. Миша, правда, предложил перенести день венчания, но родственники невесты, для которых имя Денисова было пустым звуком, встали на дыбы – «мало ли бизнесменов убивают каждый день в России!». Они, видимо, посчитали, что богатый зятек хочет в последнюю минуту улизнуть из-под носа находившейся на четвертом месяце беременности «девочки». Пришлось уступить.

– Нет, – Ринге покачал головой. – На сегодня все закончил. Жену предупредил, что буду поздно.

– Это хорошо, – кивнул в ответ Миша, поднимая стакан и взглядом предлагая Артему последовать его примеру. – Давай тогда выпьем. За Макса.

Ринге в знак согласия опустил веки и, предварительно наколов на вилку блинчик с красной икрой, быстро опрокинул в рот пятьдесят граммов виски. Закусив, он плотнул содовой и посмотрел на Каца.

– Что будем делать?

– Ты это о чем? – Миша словно не понимал, о чем идет речь. На самом деле ему просто не хотелось вносить предложение первым. Кац уже знал, как закончится их с Артемом сегодняшний ужин.

– Не дури, – Ринге поморщился. – Мы должны кое с кем расплатиться за смерть Макса. Или ты, создавший на голом месте, лишь благодаря деньгам «Эвереста», свой телеканал, действительно считаешь версию о сопротивлении властям правдой?! – Артем сам не заметил, как его голос принял уже начинавший входить в привычку повышенный «президентский» тон.

На громкий голос Артема в кабинет заглянул официант, но Кац выгнал его жестом руки.

– Ты говоришь с таким упреком, словно твой бизнес появился на свет благодаря лишь твоим газетным гонорарам, – холодно бросил Михаил. Он положил с блюда себе в тарелку

два кусочка розовой соленой лососины и, закулив сигарету, добавил: – Сначала нужно узнать, кто именно – «быки» или менты – организовал его убийство. Или и те, и другие вместе...

– Если бы в деле имелся след «братвы», то официальная версия была бы более банальной – просто обнаружен труп такого-то бизнесмена с признаками насильственной смерти. Тебе не хуже меня известно, что Кирилленко взял Макса на развалинах универмага, когда тот привез «лимон» баксов выкупа за Ренату и девочку! Я заплатил десять тысяч, чтобы узнать результат баллистической экспертизы у «убойщиков».

– И что? – Кац снова разлил виски.

– Ты дал немцу пистолет. Из него хлопнули Ишака. Ишак застрелил Ренату. А Бармаш умер от деформации шейных позвонков! Улавливаешь?!

– Выходит, Макс его убил?

– Я более чем уверен. Менты под руководством полковника спокойно ждали, пока ситуация не разрешится сама собой, и лишь затем вмешались. Немца, как тебе известно, отправили на самолете во Франкфурт, но до дома он не доехал. Исчез уже в Германии! Тебе еще нужны доказательства? Бандиты здесь ни при чем. Им сейчас не до того – власть делят. Пахан умер, да здравствует пахан!

– Да слышал, – кивнул Кац. – Может, перегрызут друг другу глотки в конце концов! – Он глубоко вздохнул, прекрасно понимая всю абсурдность своего предположения. Но иногда так хочется, чтоб ситуация разрешилась сама собой. – И что ты предлагаешь?

– Я попробую выйти на Ворона...

Слова Артема прозвучали как приговор. Миша почувствовал, что у него мгновенно вспотели ладони. Он медленно вытер их бумажной салфеткой и взглядом предложил Ринге выпить.

– Мне, пожалуй, хватит! – Артем демонстративно перевернул стакан доньшком вверх. – Не для того мы сегодня встретились, чтобы пить. Я жду твоего ответа.

– Что ты хочешь от меня услышать? – пожал плечами Миша, старательно пережевывая лососину.

– Хочу услышать о твоем согласии на ликвидацию полковника, – незамедлительно ответил Ринге. Его лицо выражало полную уверенность в правильности избранного пути.

Кац отвел глаза в сторону.

– За день до венчания с Виолеттой я, как тебе известно, крестился в православие. Хотя мои старики стояли насмерть против такого ренегатства...

– И что дальше? – перебил Артем. – К чему ты клонишь?

– Не гони лошадей, – сделал Миша предостерегающий жест рукой, – все по порядку. Так вот... Я тогда долго беседовал со священником, интересовался самыми разными вопросами, в том числе вопросами замаливания грехов и отношением православного духовенства к смерти. К насильственной смерти, – после секундной паузы уточнил Кац. Он посмотрел на Артема и медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес: – Тот, кто отдает приказ убивать, несет на себе двойной смертный грех. Он в ответе не только за самого себя, но и за того человека, которому вложил в руку оружие убийства. Не потому ли гораздо легче убивать, когда тебе, как во время войны, отдают приказ?

– Не понимаю, что ты хочешь доказать? – вспыхнул Ринге. Он вновь перевернул стакан, плеснул в него виски и залпом выпил, не спуская глаз с Каца.

– Кирилленко – сволочь, но это еще не значит, что нужно натравливать на него платного киллера! – отчеканил Миша. – Чем в таком случае мы лучше таких, как Кирилленко?

– Значит, ты – я правильно понимаю? – не хочешь, чтобы полковник получил пулю в лоб? – Ринге сверлил взглядом сидевшего напротив Михаила, но тот был непреклонен.

– Я не против того, чтобы нанять Ворона. Я против того, чтобы заказывать ему смерть.

– А-а, значит, ты хочешь отдать Кирилленко под суд! – с издевкой воскликнул Артем. – А я-то думаю, куда мой дружок клонит?! – Ринге зло посмотрел на Каца. – Предлагаешь написать заявление и отнести его в милицию?

Артем хотел сказать еще что-то, но вдруг поднялся из-за стола, подошел к тяжелой зеленой шторе, отделявшей кабинку со столиком от основного зала, и резко отдернул штору в сторону.

У официанта было такое лицо, словно он случайно проглотил живую жабу и пытается осмыслить происшедшее.

– Значит, подслушиваешь? – Артем вцепился в рубашку официанта и притянул его к себе. Ворот сдавил официанту горло, он начал кашлять.

– Нет, я просто подумал, может, чего нужно... Кхе... Отпустите... Я дышать не могу...

– Позови сюда мэтра, – не терпящим возражения тоном приказал Ринге, отпуская официанта. – Сегодня ты работал последний день.

– Нет! – Глаза официанта наполнились слезами. – Я прошу вас, не нужно!

Артем смерил уничтожающим взглядом хлипкого, с прилизанной челкой парня, очень похожего на педераста-манекенщика, – такие обычно ходят, кривляясь, по подиуму, чередуясь с долговязыми девицами. Ринге с силой оттолкнул официанта.

– Пошел вон отсюда, мразь! Когда понадобится, сам позову.

Парень моментально испарился, а Ринге вернулся обратно за столик.

– Хочешь ты этого или нет, но я встречу с Вороном, и пусть он выбьет все мозги из этой падлы, – холодно произнес Артем. – Мне отнюдь не жаль тех нескольких десятков тысяч долларов, которые придется заплатить Ворону за работу. Я просто думал, что мы разделим эту сумму пополам и что эта месть будет нашей общей мстью. Ну так что, мне делать все одному, или ты...

Кац молчал, тупо уставившись в стол, заставленный всевозможными деликатесами, и нервно курил, делая глубокие затяжки. Потом он снова взял бутылку и налил себе чуть ли не полный бокал виски. Пауза затягивалась.

– Ладно... – Ринге поднялся, взял со стола зажигалку, положил ее в карман, достал из пиджака бумажник, бросил на стол стодолларовую купюру и, осуждающе усмехнувшись, вышел из кабинки.

Покинув ресторан, он сел на заднее сиденье припаркованного на стоянке напротив ресторана серебристо-серого «Понтиака» и, обратившись к сидевшему за рулем охраннику Саше, еще совсем недавно работавшему личным телохранителем Денисова, тихо сказал:

– Поехали домой... И не гони. Я не тороплюсь...

Артем достал из маленького, встроенного в промежуток между сиденьями, бара бутылку коньяка, стакан и принялся медленно, но целеустремленно накачиваться, не переставая думать о странном поведении Мишки. «Это же надо, греха на душу он брать не хочет! Вот скотина! Знал бы Макс, какой у него, оказывается, друг...»

Ринге успел опустошить не менее половины бутылки, когда пристегнутый к поясу мобильный телефон вдруг залился звонкой трелью. Артем чертыхнулся, отстегнул чехол и достал трубку.

– Слушаю.

– Это я... – Ринге узнал голос Каца.

– Чего тебе? – Артем хотел было уже отключить связь, но слова Михаила остановили его.

– Я тут подумал... Сколько, ты говоришь, я должен заплатить, чтобы получалась ровно половина?

Ринге переложил телефон из одной руки в другую и, нащупывая в кармане сигареты, с победной улыбкой ответил:

– Сам пока не знаю. Надо встретиться с ним, обговорить детали... Для начала нужно будет отыскать Родникова, – Артем пару секунд помолчал. – Знаешь, Миш, я был уверен, что ты меня поймешь!

Домой Артем вернулся вдрызг пьяным, но довольным. Водитель помог ему подняться в спальню, потом спустился вниз, отогнал машину в гараж и уселся смотреть телевизор. По одному из каналов как раз передавали свежий боевичок с Сильвестром Сталлоне. Спустя несколько минут до Саши донесся громкий храп заснувшего наверху Артема. Охранник сидел и думал, что скажет его жене, когда та вернется домой после традиционного вечернего заплыва с детьми в бассейне...

В течение всего следующего дня Артему Ринге так и не удалось дозвониться до журналиста, некогда сумевшего вывести Макса Денисова на Ворона. В редакции довольно сухо ответили, что Родников у них больше не работает и домашнего телефона его не знают. Но Артем знал адрес Игоря и решил навестить к нему домой без приглашения. Однако на его настойчивые звонки в дверь никто не ответил. То же самое повторялось четыре следующих дня.

На пятый день Родников самолично появился в офисе фирмы Артема. Видок у него был, прямо сказать, неважнецкий: многочисленные ссадины, синяки и полосы лейкопластыря покрывали более половины его лица. Родников вихрем ворвался в кабинет Артема, из чего следовало, что он был крайне возбужден.

– Старик, тебя что, машина сбила? – Ринге вышел из-за необъятного директорского стола. – Где тебя черти носят? Я несколько дней подряд езжу к тебе домой, а ты шляешься черт знает где!

– Оставь черта в покое. Он здесь ни при чем, – бросил Родников, плюхаясь в мягкое кожаное кресло у стены и хватая с журнального столика резную деревянную коробочку из карельской березы, где, как ему уже было известно, Ринге хранил сигареты для гостей. – Меня не было дома почти неделю.

– Это я и так знаю, – горько усмехнулся Артем, присаживаясь по другую сторону стола. – Бухаешь, значит? – Он пристально осмотрел лицо журналиста и покачал головой. – Переживаешь из-за увольнения?

– Забудь. Есть дела поважнее, – Игорь глубоко затынулся, выпустил в потолок струю дыма и посмотрел Ринге в глаза: – Слушай меня внимательно.

– Только после того, как ты объяснишь, что с тобой стряслось, в какое дерьмо ты вляпался и кто тебя так хорошо отделал.

– Человек просто сходил в кабак, выпил пару кружечек пивка, а потом вступился за двух телок, которым не давали прохода какие-то кавказцы. А на следующее утро проснулся в больнице с тремя дырками от ножа, глядя в белый потолок. Вопросы есть?

– Нет, – с улыбкой покачал головой Артем. – Теперь точно нет. Рэмбо из тебя, прямо скажем, никудышный. – Ринге покрутил пальцем у виска, тем самым выражая свое отношение к рыцарскому поступку Родникова.

– Ну, раз вопросов нет, то можем приступить к делу, – сделав еще одну глубокую затяжку, Игорь раздавил окурочек в пепельнице. – У меня есть видеозапись того, что случилось в сгоревшем Фрунзенском универмаге, когда Макс встретился с Бармашом и Ишкевичем...

Родников сделал паузу, чтобы Артем полностью осознал услышанное, и молча наблюдал за тем, как быстро меняется выражение лица бизнесмена.

Когда Ринге наконец заговорил, голос его напоминал шепот больного, едва очнувшегося после операции на горле.

– Я не очень тебя понимаю...

– Не удивлен. Я тоже не поверил своим глазам, когда это увидел, – журналист расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана видеокассету. – Здесь видеозапись всего, что случилось, включая смерть обоих бандитов и Ренаты, а также действия СОБРа, которым, вопреки обыкновению, взялся командовать сам полковник... Назвать его фамилию или сам догадаешься?

– Паскуда! – пальцы Артема непроизвольно сжались в кулак, сломав авторучку «Паркер». Опустив глаза, он рассеянно посмотрел на обломки и резким движением бросил их в пепельницу. – Откуда у тебя кассета?

– Мне ее передал сам майор Безукладников за несколько часов до смерти. По-моему, он хотел «закрыть» Кирилленко, но эта жуткая история с Гочей Махарадзе...

Весь Питер знал о трагической гибели командира СОБРа и о том, что вскоре после этого стрелявшего в майора бандита настигло возмездие. Однако в официальную версию смерти Безукладникова Ринге с самого начала не поверил.

– Черта с два! Неужели ты и впрямь считаешь, что Безукладникова убил этот беглый грузин? – воскликнул Артем.

– У меня сразу возникли догадки насчет причастности Кирилленко, – согласился Родников. – Понимаешь, майор неплохо меня знал, поэтому и рискнул доверить копию видеозаписи. И попросил: если в ближайшее время с ним что-нибудь случится, я должен немедленно отнести кассету в ФСБ, лично в руки начальника управления. Кассета была запечатана в полиэтилен...

– А ты не удержался и распечатал, – понимающе хмыкнул Артем.

– Но только после сообщения о гибели Безукладникова, – уточнил, оправдываясь, Игорь. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но тогда, на станции «Броневая», когда он передал мне кассету, я уже чувствовал, что больше его не увижу...

– Так... – Ринге встал, подошел к столу и снял трубку телефона. – Алло, Мишка? Я сейчас подъеду. Со мной Игорь. Да, появился... Ты даже не представляешь, с какими новостями... Короче, чтобы к нашему приходу была готова отдельная монтажная с видеомagneтофоном, понял? Потом все узнаешь! Пока.

– Если я правильно понимаю, мы едем к Кацу, на «КТВ»? – Игорь спрятал кассету обратно во внутренний карман куртки и тоже поднялся с кресла.

Они быстро спустились вниз, сели в припаркованный во дворе серебристо-серый «Понтиак». За руль сел Саша, и они помчались к студии. Спустя десять минут Артем и Игорь, оставив водителя в машине, уже входили в кабинет Каца.

Пожав руки гостям, Михаил повел их в одну из монтажных комнат, где все было готово для просмотра.

Когда Миша и Артем увидели на экране своего еще живого друга, по их спинам пробежал холодок. По ходу просмотра кулаки мужчин то сжимались, то безвольно расслаблялись. В какое-то мгновение Кацу показалось, будто он вот-вот потеряет сознание от нервной перегрузки, но Артем вовремя протянул ему сигарету. Вот наступила трагическая развязка, когда одновременно грянули два выстрела... Вот Денисов ударом ноги ломает Бармашу шейные позвонки, и бригадир банды бьется в последних предсмертных конвульсиях на густо усыпанном золой и мусором бетонном полу универмага... Наконец на экране появились бойцы СОБРа в черных масках и сам полковник Кирилленко, на роже которого без труда читается огромное удовлетворение происшедшим. Макса и Генриха бросают лицом в золу и направляют им в затылки стволы автоматов... Рядом распростерлись бездыханные тела Ренаты, Ишкевича и Бармашова... Финальный аккорд – в кадре появляется один из бойцов, несущий на руках найденную в багажнике бандитского джипа дочку Макса – Лену. Отец и дочь в последний раз в жизни целуют и обнимают друг друга... На лицах обоих слезы... Денисову и Гесслеру застегивают на запястьях браслеты наручников и уводят... Кейс с миллионом

долларов перекочевывает с пола в руку Кирилленко... Некоторое время в кадре мелькают одетые в серый камуфляж спецназовцы, потом исчезают и они вместе с уносимыми с места трагедии трупам... Пленка закончилась, экран погрузился в темноту...

Видеомагнитофон щелчком выплюнул из своего чрева кассету и мигнул красной лампочкой.

– Откуда это у тебя? – глухим голосом спросил Миша, возвращая кассету Родникову.

Игорю пришлось повторить то, что он уже рассказывал Артему. Затем все трое из монтажной вернулись в кабинет президента телекомпании, расселись в кресла и, достав бутылку «Аралата», принялись обсуждать сложившуюся ситуацию.

– Решите, как поступить. – Игорь пожал плечами. – Как скажете, так и сделаю. В конце концов, Макс был вашим другом, а не моим... Если ничего не родите – сегодня же иду в ФСБ.

– Мы уже все решили, – Ринге посмотрел на Мишу Каца и дождался, пока тот кивнет в знак согласия. – У тебя еще есть возможность связаться с посредником Ворона?

– Не могу ничего обещать, сам понимаешь...

– Понимаю...

– Но постараюсь. Если Ворон даст свое согласие, говорить с ним будет только один человек.

– Не волнуйся, я знаю, как себя вести и что сказать. Хотя уверен: достаточно одного просмотра кассеты, чтобы Ворон согласился убрать этого ублюдка в ментовских погонах! Как будем держать связь?

– Как только у меня появится какая-нибудь информация по теме, я сразу же звоню тебе на мобильный. Номер, надеюсь, прежний?

– Да. Если разыщешь Ворона – мы в долгу не останемся...

– Там посмотрим, – Игорь покусал нижнюю губу. – В любом случае я дам о себе знать или сегодня вечером, или завтра в течение дня.

– Ты не возражаешь, если кассета на некоторое время останется у меня? – спросил Кац. – Не уверен, что у тебя дома имеется бронированный сейф. Тем более, что на встречу все равно пойдет Артем. А я через денек-другой сделаю еще несколько копий. Надо только выбрать время, когда в студии будет поменьше народу.

– Я хотел предложить то же самое, – улыбнулся Родников. – У вас кассета будет в большей безопасности, чем у меня. Берите. – Игорь достал из внутреннего кармана куртки пленку и протянул Мише. Тот сразу же убрал ее в верхний ящик стола.

– Тогда все, – Ринге поднялся с роскошного, обтянутого коричневой кожей кресла, вслед за ним встали Михаил и Игорь. – Давай, старик! Все будет о'кей! – Артем пожал протянутую Мишину руку, подождал, пока то же самое сделает Родников, и гости покинули кабинет владельца телеканала. Кац, стоя у окна, проводил взглядом машину Артема, а когда она скрылась из виду, слившись с разноцветным потоком других автомобилей, вернулся к столу, достал из ящика кассету и положил ее в бронированный стенной сейф, скрытый под отличной репродукцией картины Святослава Рериха «Чаша Будды».

Просмотренная запись никак не способствовала мыслям о работе. Кацу хотелось лишь одного – успокоить натянутые до предела нервы. Он впервые в жизни стал, в сущности, свидетелем убийства и теперь срочно нуждался в релаксации, иначе нервное напряжение грозило перерасти в тяжелейшую «депрессуху» с последующим отвращением к работе и личной жизни. Поэтому Миша сел в свой новый «Форд Скорпио» и поехал в сауну.

В полной тишине и одиночестве он долго парился и плавал в бассейне. Затем вверил свое тело крепким пальцам профессиональной массажистки. Сеанс массажа как-то незаметно трансформировался в короткий, но весьма темпераментный секс. Потом Кац плотно пообедал и поехал домой, в особняк на Таллинском шоссе, где его ждала жена Виолетта, готовившаяся подарить своему мужу наследника, и два рыжих шотландских сеттера, ску-

чавших по настоящей охоте, к которой их добрый, но ленивый хозяин не испытывал, к сожалению, ни малейшего интереса...

Глава 11

У Николая Маркелова горчило во рту от обиды. Трудно передать, каких трудов и унижений стоило ему и его друзьям-ветеранам организовать фонд поддержки инвалидов афганской войны. И никто из них не подозревал о том, что за их спиной некие силы уже строили планы использования предоставленных фонду таможенных, налоговых и прочих льгот в своих корыстных целях.

Не прошло и недели после того, как на регистрационных документах были проставлены последние печати, а к скромному двухкомнатному офису на проспекте Ветеранов уже подъехал толстопузый «Мерседес» с тонированными стеклами. Из его просторного чрева вылезли трое внушительного вида молодцев и направились напрямик к Маркелову. Тот сначала принял гостей радушно, даже предложил кофе, но не прошло и минуты, как от радушия однорукого тридцатилетнего ветерана не осталось и следа, стоило одному из посетителей открыть рот.

– Слушай сюда, земля! Тут тебе маляву от Петровича посылают, почитай, ознакомься. Будем дружить!

Все трое верзил ехидно заухмылялись.

– А в чем, собственно, дело? – Маркелов настороженно оглядел неожиданных гостей.

– Ты читай, читай! – буркнул посланец Вяземцева. – Там все сказано...

Верзила достал из кармана сигареты и, не спрашивая разрешения, закурил. Маркелов бегло просмотрел напечатанный на компьютере текст, и в глазах у него потемнело. В бумаге, подписанной одним из самых влиятельных чиновников города, фонду ветеранов войны в Афганистане с целью полноценного использования предоставленных ему льгот настоятельно рекомендовалось заключить коммерческий договор с некой фирмой «Фердинанд». Благодаря отчислениям от ее внешнеторговых операций фонд будет иметь средства на выплату пособий нуждающимся воинам-интернационалистам. С юридической точки зрения это письмо не имело никакого веса, но Маркелов уже догадывался, что не все так просто. Не зря эти трое бугаев ведут себя столь нагло.

– Я не совсем понимаю смысл документа... – Маркелов положил бумагу на стол.

– А что здесь понимать, приятель? – цинично ухмыльнулся главный гонец. Он кивнул одному из спутников, и перед Маркеловым незамедлительно легли два листа мелованной бумаги с заранее набранным на них текстом договора о совместной деятельности между фондом и компанией «Фердинанд». – Ставь здесь свою подпись, шлепни печать! Всего делов-то! Давай, давай, не раздумывай!..

– Подождите! – Маркелов начинал уже закипать от гнева. Впервые за годы мирной жизни Николай пожалел о том, что у него нет под рукой автомата с полным рожком патронов. – Я не собираюсь ни с кем заключать никаких договоров, тем более, если мне их навязывают. Да, мы ставим своей целью зарабатывание денег, но деньги будут использоваться исключительно на помощь ребятам, вернувшимся калеками из Афганистана. В этом деле мы как-нибудь обойдемся без компаньонов и посредников, своими силами...

– Похоже, ты не все понял, однорукий!.. – с лица верзилы стремительно слетело снисходительно-благодарное выражение. – Тебя никто не спрашивает, что ты там планировал или не планировал, въезжаешь? – Маленькие и красные, как у кролика, глазки бандита превратились в узкие щелочки. – Мы от Петровича, и этим все сказано. Доставай печать, авто-ручку и делай то, что тебе говорят. Иначе...

– Иначе что?! – Глаза бывшего командира взвода десантно-штурмовой бригады налились кровью.

Николай почувствовал, что теряет над собой контроль. Еще несколько секунд – и он двинет своей единственной рукой в харю этого наглого «быка», совершенно не задумываясь о последствиях.

Дверь неожиданно распахнулась, и в комнату ввалились трое бывших «афганцев», наряду с Маркеловым являвшихся учредителями фонда. Несмотря на внешнюю крепость, у каждого из них имелось удостоверение инвалида войны той или иной группы. Ребята сразу сообразили, кто к ним пожаловал, и один из них, Алексей Державин, поспешил вмешаться в разговор.

– Привет, Маркел. Какие-то проблемы? – рослый широкоплечий парень уничижительным взглядом смерил каждого из трех «быков», а потом перевел глаза на протянутый председателем фонда лист бумаги.

– Вот, полюбуйся! – Маркелов натянуто усмехнулся. – В мэрии еще не успели зарегистрировать наш фонд, а уже диктуют нам условия, принуждая к сотрудничеству с некой фирмой «Фердинанд». Говорят, от Петровича... Как понимаю, от Вяземцева...

Державин просмотрел приготовленный к подписанию договор, на котором не хватало лишь печати фонда и подписи его председателя, и сразу понял: при их фонде хотят устроить артель по отмыванию денег.

– Ну это уж дудки! – Державин покачал головой и вернул гонцу оба экземпляра договора вместе с письмом. – Передайте своему высокопоставленному другу, что, если он еще раз предложит нам нечто подобное или вздумает мешать работе фонда, созданного исключительно для помощи инвалидам-«афганцам», а не для набивания карманов всякой толстопузой мрази, то я сразу же звоню в РУОП! Вопросы есть?

В комнате повисла тишина. Бандиты, надеявшиеся с наскока подмять под себя фонд с его льготами, с досадой осознали, что первый раунд выиграли «афганцы».

– Ладно... – главный «парламентер» медленно поднялся со стула. Его примеру последовали двое других. – Не хотите по-хорошему, будем разговаривать по-плохому... Скоро сами на брюхе приползете, да только поздно будет!

– Посмотрим! Главное, что я предупредил, – спокойно ответил Державин, глядя бандиту в маленькие глазки. – Повторяю! Еще одна попытка «наезда» – и вы все дружно отправляетесь в Кресты. Я все сказал.

Давая понять, что разговор закончен, Алексей кивком головы указал «гостям» на открытую дверь, за которой мелькнуло растерянное лицо Наташи, жены одного из прикованных к постели «афганцев», выполнявшей в недавно созданном фонде одновременно обязанности бухгалтера и секретарши. И если приход бандитов поначалу испугал ее, то данный им ребятами отпор вернул ей уверенность в себе. Она резко распахнула дверь и твердым голосом поинтересовалась:

– Может, вызвать милицию? У меня есть прямой телефон командира СОБРа!

– Спасибо, Наташа! – Маркелов улыбнулся и отрицательно покачал головой. – Думаю, не стоит. Наши посетители уже все поняли и собираются домой.

Главный гонец бросил свирепый взгляд сначала на женщину, потом на четверых полных решимости парней и прохрипел:

– Все, суки, ройте ямы!

Выходя, он словно невзначай задел плечом худенькую Наташу, отчего та, тихо охнув, больно ударилась спиной о стенку. Следом за ним вышли двое его молчаливых и хмурых спутников...

Первым заговорил Маркелов. Он обошел стол, опустился в кресло и сказал, обводя тревожным взглядом всех присутствующих:

– Дела плохи, ребята. Эти ублюдки так просто не отстанут. Если уж вцепились, то будут давить до последнего, пока или мы не сдадимся, или они сами не погорят на чем-либо... Что

будем делать? – Маркелов растерянно посмотрел на Державина, широкоплечего, ростом под два метра, гиганта, бывшего капитана воздушно-десантных войск, получившего инвалидность после падения с высоты пятнадцати метров из горящего вертолета, два раза констатированной врачами клинической смерти и трех мучительных лет, проведенных в военных госпиталях. Державин был вполне спокоен.

– Рано паникуешь, – сказал он, прикуривая от забытой второпях «гонцом» зажигалки. – Это гребаное «бычье» живет за счет чужого страха. К тому же они, несмотря на всю внешнюю крутость, боятся открытой войны гораздо больше, чем мы. Хотя я согласен с тобой: так просто мы от них не отделаемся, тем более что они от Вяземцева. Я наслышан о грязных играх этой мрази!

– Они все сейчас играют в такие игры! И в ментовке, и в мэрии, и в Кремле. Все... – вмешался в разговор Павел Орлов, который до сих пор молча наблюдал за происходящим, стоя возле стены и опираясь на деревянную палочку. – Пролезли к кормушке, скоты, и...

– Ладно, хватит ныть! – отрезал Державин. – Просто передайте женам, чтобы были осторожней, да и сами... Хотя не думаю, что они так сразу, не предприняв больше ни одной попытки купить или запугать нас, полезут в драку!.. Хотя они и бандюги, но не дебилы же, в конце-то концов!..

Алексей Державин, однако, ошибался. Бандиты действительно были дебилами и считали наглядную демонстрацию силы самым действенным методом убеждения для «упертых лохов». Когда в течение последующих двух суток со стороны «быков» не было предпринято ни одной попытки «наезда» на учредителей фонда, ребята слегка расслабились, хотя и понимали, что дело вряд ли закрыто. Но они не ждали, что противник будет действовать столь грубо и жестко. Первой жертвой нападения, видимо, как «самый разговорчивый», стал Алексей Державин.

В тот день Алексей встречался с начальником таможни. Чиновник, поначалу удивившись, что фонд не собирается ввозить из-за рубежа сигареты, дешевое спиртное и залежалое продовольствие, проявил вдруг к работе фонда такой горячий интерес, что настал черед удивляться Державину. В конце концов выяснилось, что старший сын таможенника тоже был тяжело ранен в Афганистане.

Успешно решив все вопросы с таможней, Алексей вернулся в офис, где допоздна обсуждал с Маркеловым бизнес-план, необходимый для получения банковского кредита на закупку медикаментов.

Когда он сошел с трамвая на своей улице, уже давно стемнело. Он подходил к своему подъезду, когда из гулкой подворотни, соединявшей проходные дворы, выскочили трое амбалов и преградили ему дорогу. Державин попытался их обойти, но его остановили, схватив за рукав куртки.

– Здорово, инвалид! – с ухмылкой произнес один из бугаев. – Куда так торопишься? Если на тот свет, то ты, почитай, уже там! Пора отбрасывать копыта...

И прежде, чем Алексей успел что-либо ответить, здоровенный кулак противника врезался в его правую скулу. Державин машинально отметил, что бандит явно не имеет боксерской квалификации, поскольку наносит удар в неподвижную часть лица, тем самым отбивая себе руку. Соперник же при этом отделяется лишь синяком. Возьми он двумя сантиметрами ниже, и челюсть Алексея могла бы запросто треснуть.

Державин сумел удержаться на ногах, тем более, что нападавшему приходилось бить снизу вверх – ростом он был сантиметров на десять ниже Алексея. Быстро оценив ситуацию, Державин отшвырнул в сторону пакет с купленными в магазине продуктами и угодил подонка коротким отработанным апперкотом в подбородок. Тот громко лязгнул зубами, подошвы его ботинок оторвались от земли и взметнулись вверх. Падая, бандит сильно уда-

рился головой о ступеньку подъезда и незамедлительно отключился. Увы, это был последний удар, который удалось провести Алексею. Двое других бандитов, в отличие от начавшего драку, были куда опытнее и времени даром не теряли. Державин не успел даже сгруппироваться для защиты, как мощный удар ногой в спину сбил его с ног, деформируя с таким огромным трудом сросшийся позвоночник. Боль ворвалась в мозг адским, ослепительным огнем, парализуя волю. Грузно повалившись на бок и инстинктивно подтянув колени к груди, Алексей уже не чувствовал, как сотрясают его тело беспощадные удары ногами, половина которых приходилась в незащищенную голову. Разум окутала кровавая пелена – и неожиданно наступил полный покой. Боль исчезла. Лишь изредка до Державина доносился странный хруст – откуда-то издалека, словно с того света...

Бывший десантник уходил из этого мира. С каждым новым ударом перед внутренним взором Алексея все отчетливей вставал образ отвратительной костлявой старухи в длинном черном плаще, с зажатой в оголенных костяшках пальцев острой косой.

Отчаянным, нечеловеческим усилием воли Алексей попытался вернуться обратно, в реальность происходящего, и в какое-то мгновение это ему почти удалось. Мозг тут же пронзила беспощадная молния боли, и бескрайняя черная тьма обступила Державина со всех сторон, утягивая его в никуда...

– Стой! Хватит! – отступил на шаг назад один из бандитов. – Готов. Сматываемся!

Они подхватили под руки валявшегося возле подъезда бандита, которого успел «вырубить» Державин, и поволокли его через подворотню в соседний двор. Загрузив своего «братка» в стоявший возле ржавых мусорных баков «Фольксваген» и включив зажигание, с громким ревом они вылетели на улицу и скрылись за первым поворотом.

Двое молодых людей, парень и девушка, ставшие невольными свидетелями жуткой расправы, осторожно отделились от стены дома, подошли к Алексею и наклонились над ним. Не сразу, но юноша узнал в Державине своего соседа по квартире.

– Это же Алексей Державин! Света, стой здесь, а я домой – вызывать «Скорую»!

– Как ты думаешь, он еще жив? – едва шевеля бескровными губами, спросила девушка, с ужасом вглядываясь в то жуткое месиво, в которое превратилось лицо лежавшего на асфальте человека. Но парень уже не слышал ее – бросился вверх по лестнице, прыгая через три ступеньки, чтобы скорее добраться до заветного телефона.

Прибывшая через пятнадцать минут на место трагедии бригада «Скорой помощи» констатировала смерть, а старший оперативной милицейской группы «убойного» отдела подробно записал показания свидетелей происшедшего, время от времени поглядывая на мертвое тело и едва заметно качая головой. Для него этот труп за день был далеко не первым и, скорее всего, не последним. Ведь впереди была еще вся ночь.

Маркелов узнал о смерти Алексея лишь в середине следующего дня, когда в арендуемый фондом офис явились два сотрудника следственного отдела в штатском и, бросив пару дежурных фраз, положили на стол председателя несколько страшных фотографий.

– Да, судя по одежде, это скорее всего Державин... – не своим голосом пробормотал Маркелов, тяжело опускаясь на стул. – Кто-нибудь видел, как его убивали?

– Да. Парнишка-сосед и его девушка. Впрочем, они стояли на приличном расстоянии, да и темно уже было... Не разглядели они хулиганов.

– Что?! – единственная рука Маркелова сжалась в кулак. – Вы говорите – хулиганов?! И это вы называете хулиганством?! Да его специально ждали, понятно! Это запланированное убийство!

– У вас есть какие-либо подозрения? Можете назвать фамилии? Вам известна причина нападения на одного из учредителей фонда поддержки инвалидов Афганистана? – посыпались вопросы оперативников, но Маркелов пропустил их мимо ушей.

– Сколько их было? – спросил он, чуть помедлив.

– Трое. Они покинули место происшествия на автомобиле марки «Фольксваген». К сожалению, было темно и свидетели не смогли разглядеть номер. Так какие у вас предположения относительно причины нападения на Державина? У него были какие-то связи с криминальными группировками?

– О чем вы! Никаких, – Маркелов отрицательно покачал головой. – Здесь дело совсем в другом. Несколько дней назад к нам пожаловали трое «быков» и предложили, так сказать, сотрудничество...

– Рэкет?

– Нет, не совсем. Им нужны были наши налоговые льготы, чтобы под прикрытием фонда беспрепятственно ввозить в Россию товары, облагаемые высокими таможенными пошлинами. Представляете, какие деньги можно поиметь, не платя пошлину на ввоз водки или сигарет?!

– И что вы им ответили? – поинтересовался один из милиционеров.

– А вы не догадываетесь?! – снова вспыхнул Маркелов.

– Почему не позвонили в органы сразу же после визита этих субъектов? Испугались?

– Да пошли вы! – огрызнулся Маркелов, бросая на следящих уничижительный взгляд. – Какой толк от вашей гнилой конторы, скажите мне? Ну, взяли бы вы их, ну, помуржили бы пару дней в камере, а потом ведь все равно отпустили бы под подписку или вообще по чистой!

– Значит, решили разобраться своими силами, господин председатель? – в голосе следователя отчетливо слышались раздражение и обида за «честь мундира». – Решили снова вспомнить Афган, да? Око за око?..

– Ничего мы не решали! – взорвался Маркелов. – Этим ублюдкам было прямо сказано, что здесь им ничего не обломится. Но, черт побери, кто мог предположить, что они... – не найдя подходящих слов, Маркелов с досадой ударил кулаком по крышке стола. – Сволочи!..

– Ладно, ситуация более-менее проясняется, – заметил второй милиционер. – И все-таки, нельзя полностью исключать возможность того, что нападение на Державина было обычным хулиганством, когда пьяная компания решила почесать кулаки о первого встречного и, как это нередко бывает, перестаралась. Конечно, если ваши недавние гости вновь заявят о себе или, тем более, намекут на свою причастность к смерти Державина, немедленно звоните в нашу, как вы выразились, «гнилую» контору. Посмотрим, что эти скоты запоют, оказавшись в подвале возле параша! Что касается похорон вашего друга... Вскрытие уже проведено, так что можете договариваться с ритуальным бюро и забирать тело. Оно сейчас в морге центра судебно-медицинской экспертизы. Адрес знаете?

– К сожалению, – кивнул Маркелов. – Что еще от меня требуется?

– Пока ничего. Если понадобится, вызовем повесткой. И вот еще что... Если в течение недели от ваших недавних посетителей не поступит никаких новых предложений относительно совместной работы с фондом, то дело автоматически квалифицируется как уличное хулиганство с особо тяжкими последствиями. Вот почему я пока не беру с вас письменных показаний о первом визите бандитов. Понятно?

– Еще бы!.. Зачем вам утруждать себя лишней работой! Гораздо проще все списать на неизвестных хулиганов и благополучно положить этот глухой «висяк» на полку.

– Зря вы так, господин Маркелов. Мы делаем все, что в наших силах. До свидания. Если что – звоните.

Едва шаги следователей в коридоре стихли, в кабинет ворвалась смертельно бледная Наташа и обессиленно опустилась на один из стоявших вдоль стены стульев.

– Я все слышала, Коля... Господи, какой ужас!..

Маркелов ничего не ответил. Он молча курил и отсутствующим взглядом смотрел в окно.

Выходит, действительно, те, кто по закону должен защищать людей от произвола бандитов, если не окончательно куплены, то уж, во всяком случае, думают лишь о том, как увильнуть от работы и поскорее закрыть все имеющиеся в разработке дела. Остается только брать в руки оружие и самолично расправляться с отравляющими честным людям жизнь подонками. Прав был этот мент, когда сказал – «око за око»! Только так можно восстановить справедливость, только такие аргументы понятны этим скотам, считающим себя хозяевами жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.